

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник

международный научный журнал

3
2018

16+

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Международный научный журнал

№ 3 (05) / 2018

ISSN 2587-8573

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Члены редакционной коллегии:

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Искаков Руслан Маратбекович, *кандидат технических наук*

Кенесов Асхат Алмасович, *кандидат политических наук*

Курпаяниди Константин Иванович, *PhD*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Руководитель редакционного отдела:

Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор:

Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.06.2018. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Пахомова М.А.

Проблемы деятельности правозащитных организаций в России..... 1

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Бондаренко О.А.

Обзор польских конституций конца XVIII — первой половины XIX века как один из аспектов, связанных с возникновением сепаратизма в западных регионах Российской империи..... 3

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Фролов А.О., Фролова С.В.

Внедрение информационных технологий в деятельность судов..... 10

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Мирзоева Э.Р.

Регулирование монопольной деятельности посредством мер законодательного и экономического характера..... 13

Сокуренок К.Г.

Конкуренция как социально-экономическое и правовое явление 15

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кудрявцева А.С.

Роль корпоративного договора в управлении обществом с ограниченной ответственностью..... 18

Танасейчук Я.В.

Реализация положений доктрины «снятия корпоративной вуали» в зарубежных странах 20

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Вострикова В.А.

Осуществление и охрана личных неимущественных прав автора произведений науки, литературы и искусства после его смерти 26

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Джумагазиева Г.С., Гумбаталиева А.Х.

Участие иностранного элемента в брачно-семейных правоотношениях 29

Митрясова А.С. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений	31
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Курочкин И.А. Отдельные аспекты применения полиграфа при приеме сотрудников на работу	33
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Рассаднева Д.Д. О необходимости законодательного разграничения прокурорского надзора за оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью	35
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	
Арестов В.В. Категории преступлений по российскому уголовному праву	37
Белобородова Е.С. О полномочиях прокурора на заключительном этапе предварительного следствия	39
Глимейда В.В. Проблемы рассмотрения судом жалоб на законность и обоснованность решений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ и пути их решения	44
Дякина Е.В. Поддержание государственного обвинения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	47
Перменев Р.О. Вопросы практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	48
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
Чиркова А.Ю. English law and legal study	52

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Проблемы деятельности правозащитных организаций в России

Пахомова Мария Александровна, магистрант
Тюменский государственный университет

Правозащитная деятельность неправительственных организаций представляет собой целостный и упорядоченный процесс взаимодействия звеньев правового механизма, направленный на утверждение и защиту прав и свобод человека, достижение состояния их реальной защищенности в обществе и государстве, а также осуществление эффективного контроля за их соблюдением государством, его органами и должностными лицами.

Не смотря на значимость деятельности неправительственных правозащитных организаций для гражданского общества, существует немало практических проблем, давно требующих анализа и разрешения на законодательном уровне. Речь идет о повышении качества системы защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации.

Отсутствие правовой регламентации. До настоящего времени статус правозащитных организаций законодательно не определен. При этом содержание федеральных законов от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» не позволяет говорить о достаточности регулирования деятельности правозащитных организаций, поскольку указанные нормативные правовые акты посвящены некоммерческим общественным организациям в целом, имеют широкий предмет правового регулирования, не уделяя внимания особенностям института правозащитной деятельности.

Между тем, отсутствие специального нормативного правового акта, который бы регулировал статус правозащитных организаций, определял цели и задачи их деятельности, ответственность, права и обязанности их участников влечет за собой неясность и непрозрачность их деятельности, формирование недоверия граждан, отсутствие эффективности правозащитной деятельности.

Отсутствие финансирования. Одним из признаков правозащитной деятельности в целом является ее некоммерческий характер, а значит, целью деятельности правозащитных организаций не является извлечение прибыли.

Таким образом, финансирование деятельности правозащитных организаций осуществляется, как правило, силами самих правозащитных организаций в условиях

отсутствия какой бы то ни было финансовой поддержки извне. Скорее исключением, нежели правилом остается предоставление неправительственным правозащитным организациям средств из государственных или муниципальных источников или от частных российских спонсоров.

Характер источников финансирования во многом зависит от того, какие группы населения выступают в качестве объекта деятельности правозащитных организаций. Членские взносы являются серьезным финансовым подспорьем правозащитных организаций, защищающих интересы студентов вузов, инвалидов войны и труда, инвалидов детства.

Существует мнение и о том, что неправительственные правозащитные организации в целях обеспечения своей независимости от органов государственной власти, а также от лиц и групп, стремящихся к политическому господству, не должны обращаться за финансовой поддержкой к иностранным государственным источникам, национальным правительствам или политическим партиям и не принимать вознаграждение за свою деятельность по «расследованию» и пресечению нарушений прав человека.

Неправительственные правозащитные организации проводят исследования, фиксируют случаи нарушения прав человека, в том числе со стороны государственных органов, и представляют эти сведения общественности. Кроме того, члены неправительственных правозащитных организаций предпринимают практические шаги, направленные на прекращение выявленных нарушений прав человека. В связи с изложенным, деятельность правозащитных организаций не всегда угодна власти.

Между тем, стоит отметить, значимость оказания финансовой поддержки, в особенности со стороны государства. Так финансовая поддержка не только способствовала бы развитию правозащитных организаций, но и оказывала бы влияние на убеждения народа, ведь доверие государства и его поддержка не могут не сказаться на формировании доверительного отношения людей, нуждающихся в помощи, к правозащитным организациям.

Кроме того, отсутствие дефицита денежных средств позволило бы сконцентрировать усилия правозащитников исключительно на качестве их профессиональной

деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина, а значит, повысило бы эффективность защиты нарушенных прав.

Одной из немаловажных проблем является **отсутствие должного взаимодействия** государственных структур и правозащитных организаций.

Отсутствие связей и выработанных отношений между государством и правозащитными организациями, недоверие к ним государства существенно затрудняет выполнение поставленных перед правозащитными организациями задач и реализацию намеченных целей. Между тем, одним из важнейших факторов прикладной правозащитной деятельности является способность наладить продуктивный диалог с властью.

Необходимость такого взаимодействия была отмечена Президентом Российской Федерации и получила свое закрепление в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640. В частности, в документе говорится о необходимости наращивания взаимодействия с международными и неправительственными правозащитными организациями в целях укрепления общепризнанных норм в области прав человека, их сопряжения с ответственностью личности за свои действия,

искоренения политики двойных стандартов в указанной области.

Конечной же целью взаимодействия неправительственных правозащитных организаций с органами государства должно стать усовершенствование системы защиты прав человека.

Осуществление такого взаимодействия должно происходить в рамках равного партнерства, при котором каждый партнер должен отдавать себе отчет о достижимости поставленных целей. При этом стороны взаимодействия основное внимание должны обращать на внедрение правозащитных норм в повседневную работу государственных органов. Конечно же, эта работа должна проходить при поддержке со стороны неправительственных правозащитных организаций и иметь различные формы, например, в виде помощи при внедрении правозащитных принципов в работе государственных органов, при разработке контроля за их деятельностью, при подготовке и проведении обучающих курсов и т. п.

Взаимодействие НПО и государственных органов должно основываться на принципах взаимного уважения, что позволяет обоим партнерам достигать позитивных результатов, а также равноправия, прозрачности деятельности, честности и ответственности.

Литература:

1. Анисимов П. В., Медведицкова Л. В. Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007. С. 32–33.
2. Прокопович Г. А. О необходимости построения модели правозащитной деятельности в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. N 2. С. 24–26.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Обзор польских конституций конца XVIII — первой половины XIX века как один из аспектов, связанных с возникновением сепаратизма в западных регионах Российской империи

Бондаренко Олег Александрович, кандидат экономических наук, доцент
Российский колледж традиционной культуры (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются конституции Польши и их влияние на усиление центробежных тенденций в западных регионах Российской империи. Акцентируется внимание на существовании тесной связи между польским вопросом и возникновением национально-освободительных движений в России.

Ключевые слова: избирательная монархия, конституция Польши, польские национально-освободительные восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг., раздел Речи Посполитой, Царство Польское.

Review of the Polish constitutions of the late XVIII — first half of the XIX century as one of the aspects related to the formation of separatism in the western regions of the Russian Empire

O.A. Bondarenko

The article deals with the constitutions of Poland and their influence on the consolidation of centrifugal tendencies in the western regions of the Russian Empire. It emphasizes the existence of a close connection between the Polish question and the formation of national liberation movements in Russia.

Key words: selective monarchy, the constitution of Poland, the Polish national liberation rebellions of 1830–1831 and 1863–1864, the separation of the Polish — Lithuanian Commonwealth, the Kingdom of Poland.

В первые конституционные нормы были закреплены в первых принятых парламентами конституциях. Однако до этого еще в Средние века был составлен документ, регламентирующий правовые отношения между королем и его подданными, положивший начало конституционному праву. 15 июня 1215 года была утверждена знаменитая впоследствии Великая Хартия Вольностей (Magna Charta). Ею устанавливались новые принципы взаимоотношений королевской власти с основными условиями Англии, выступившими как политические корпорации [9, с. 8].

В Англии возник термин «конституция», сформировались основные идеи конституционализма, появились первые правовые идеи и инструменты, ограничившие власть государства в лице монарха, а также правовые акты, целостным образом регулировавшие устройство власти в государстве. Однако два возникших в Англии аспекта представлений о конституции: как о системе норм, ограничивающих государственную власть

в пользу свободы личности и как о правовом аспекте, комплексно регулирующем устройство этой власти, развивались в этой стране параллельно, во многом независимо друг от друга. Навсегда сомкнулись они на другом континенте — в Северной Америке, где конституция стала (*mutatis mutandis*) тем, что она представляет собой в современных условиях в большинстве стран мира в отношении формы и предмета регулирования [1, с. 72].

Именно на североамериканском континенте в ходе борьбы за независимость в стремлении вырваться из-под угнетения английской Короны и не допустить такого угнетения со стороны вновь создаваемых государств, были приняты документы, официально называвшиеся конституциями: сначала, в 1776–1780 годах, 13 штатами — бывшими английскими колониями, а затем, в 1787 году, — государством, явившимся результатом их объединения, т. е. США. Вскоре, в 1791 году, первые конституции, комплексно регламентирующие основы устройства государства, были приняты в Европе, а именно

в Польше и во Франции (хотя в Польше документ официально именовался Правительственным уставом) [1, с. 73].

В основе сложности и драматизма российско-польских отношений лежало объективное несовпадение геополитических интересов. В XVI—XVII веках Польша превратилась в одно из ведущих государств Европы. На ее долю выпала задача объединения славянского мира и создания противовеса Османской империи. На протяжении двух веков Польша воспринималась в Российском государстве как реальная угроза. В 1569 году, с подписанием Люблинской унии между Польшей и Великим княжеством Литовским, вместе с принадлежавшими ему западными и южными русскими землями образовалась Речь Посполитая, которая стала третьей по размеру и четвертой по населению державой, одним из богатейших государств Европы. Мощное военно-политическое образование — Речь Посполитая вела активную борьбу за преобладание на востоке и юге. Московия все больше противостояла Речи Посполитой и боролась за спорные западные территории [3, с. 3].

Г. Ф. Шершеневич полагал, что «власть монарха может быть обоснована на воле народной, избравшей монарха. Избирательная монархия была формой государственного устройства в Польше» [17, с. 48]. Однако следует отметить, что избрание польского короля являлось привилегией только небольшого влиятельного шляхетского сословия.

В XVIII веке, по мере укрепления Российского государства и ослабления Речи Посполитой, Россия стала выигрывать конкуренцию с Польшей. С 20-х годов XVIII века эта страна превращается в протекторат России и Пруссии. Речь Посполитая еще сохраняет внутреннюю автономию, но в европейской расстановке сил перестает играть прежнюю роль. В этот период ведущими европейскими державами являлись Великобритания, Франция, Пруссия, Габсбургская монархия и Российская империя.

Согласно либеральной конституции Польши даже один член парламента мог помешать принятию резолюции, и хотя этим правом не злоупотребляли, оно все же ослабляло возможности государства. Кроме того, польская конституция предусматривала право группы граждан, «конфедерации», защищать любое дело, что те полагали законным, посредством вооруженных действий. Император Петр I и его преемники пользовались подобными недостатками законодательства, чтобы сохранять слабость Польши и поддерживать гегемонию России: оказывали помощь аристократическим группировкам, не допускали попыток изменить конституцию и вмешивались в выборы короля. Однако Польша являлась крупной европейской державой, и другие государства, соответственно, проявляли интерес к тому, что с ней происходит. Не провоцируя всеобщую европейскую войну, что было не в ее интересах, Россия не могла присоединить западнорусские территории, входящие в состав Польши. Для этого следовало учитывать, по меньшей мере, какое решение будет принято Пруссией и Австрией. В таких условиях разделение Польши смогло произойти в конечном итоге только по соглашению этих государств.

Историческую ответственность за разделы Польши в 1772, 1793 и 1795 годы и ликвидацию Первой Речи Посполитой как независимого государства, за то, что Польша 123 года являлась лишь географическим и историческим понятием, несут Россия, Пруссия и Австрия. В ходе трех разделов Первой Речи Посполитой к России перешло 62% территории бывшего польского государства и более 45% его населения. Она вернула себе отторгнутые ранее Польшей земли, принадлежавшие Руси со времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого — правобережную Украину, за исключением Галиции и Карпатской Руси, Волынь, Белоруссию, Литву и часть Латвии — со значительной частью польского населения и преобладавшей на многих территориях польской земельной собственностью [3, с. 4]. Население присоединенных при разделе территорий отличалось большим разнообразием: около 40% составляли украинцы и белорусы, 26% — поляки, 20% — литовцы, 10% — евреи и 4% — русские. Среди данного населения 38% были католиками, 40% — униатами, 10% — исповедовали иудейскую веру и 6,5% — православие [15, с. 44]. В 1794 г. поляки подняли национально-освободительное восстание под руководством Т. Костюшко, которое было жестоко подавлено Россией.

А. В. Лохвицкий полагал, что Речь Посполитая «пала в то самое время, когда сознала все безобразие своей старинной конституции и почти единогласно дала себе новую конституцию 3 мая 1791 года, основанную на началах национального представительства, а не шляхетского единогласия, — разделения властей, прочности исполнительной власти и т. д., словом, на тех началах, которые провозглашены были тогда на Западе. После третьего раздела национальность польская исчезла из политической сферы. Польская эмиграция направилась во Францию и делила с французской армией славу и неудачи итальянских войн...» [10, с. 252].

Приходящая в упадок Речь Посполитая, предпринимая попытку преобразования своего государственного строя, успела еще в последние месяцы своего существования создать Конституцию 1791 года. В 11 обширных главах, напоминающих современные конституции, ее создатели, опираясь на доктрины Ж. — Ж. Руссо и Ш. Монтескье, представили ясный план реформы общественного строя. Вопрос о крестьянах в ней не был обойден молчанием. В 4-й статье конституции, сформулированной в физиократическом духе, заявлено о необходимости окружить земледельцев заботой. Подчеркивая, что это нужно самому дворянству, авторы конституции стремились примирить польскую элиту с мыслью, что в ее отношения с крестьянством допустимо вмешательство государства. Хотя такое вмешательство должно быть ограниченным, поскольку оно касалось только добровольно заключенных договоров помещиков и крестьян. Эта программа решения крестьянского вопроса получила развитие в законе 1792 года о продаже королевских поместий: крестьянам, жившим на землях короны, предоставлялось право вечного пользования ими, а также возможность их покинуть. Обеспечивалась также личная свобода безземельных и других не связанных контрактами жителей королевских

поместий. Посредниками в определении крестьянских повинностей должны были стать государственные чиновники; им предписывалось убеждать стороны переходить к системе денежной наемной платы. Таким образом, в последнее время существования Речи Посполитой появилась тенденция к развитию товарно-денежного хозяйства, сопровождавшаяся попытками правового регулирования отношений между дворянами и крестьянами по английскому образцу. Однако эта тенденция не получила развития из-за разделов Польши и утраты ею государственности [18, с. 106].

Призрак возрождения Польши возник в начале XIX века, после победы Наполеона над Пруссией и Россией. На основе мирного договора, подписанного в Тильзите в июле 1807 года, было создано полусуверенное Герцогство (Княжество) Варшавское, объединявшее основные польские земли, вошедшие в результате разделов в состав Пруссии и Австрии. Это обеспечило поддержку поляками похода наполеоновской армии на Россию, в котором приняли/участие около 100 тысяч кавалеристов корпуса князя Ю. Понятовского (вернулись из похода около 30% состава польской армии) [3, с. 4].

«Конституция нового государства, подписанная Наполеоном в Дрездене 22 июля 1807 года, составлена по образцу тогдашней французской. От старых польских установлений остались большей частью одни имена без значения.

Первые статьи конституции провозглашают: свободу всех вероисповеданий и публичного их отправления, и уничтожение крепостного состояния.

Герцогская варшавская корона объявлена наследственной в саксонском королевском доме. Королю представлена вся исполнительная власть и, по старому польскому проекту, представительство в сенате и инициатива законов...» [10, с. 252–253].

В 4-й статье данной конституции говорилось: «Рабство уничтожается. Все граждане равны перед законом». Королевский декрет Фредерика Августа от 21 декабря 1807 года гарантировал крестьянину возможность менять свое место жительства, уведомив помещика и получив разрешение поветного управления. Декрет утверждал, что обрабатываемые крестьянами земли, инвентарь и здания остаются в собственности землевладельцев. Допускалось заключение регулирующих взаимные обязательства договоров между крестьянами и дворянами. В силу декрета землевладелец мог по истечении трех лет согнать крестьян с земель, на которых те жили [18, с. 106–107].

После поражения Наполеона судьба Польши решалась на Венском конгрессе 1814–1815 годов, когда вместе с территориями, вошедшими в состав России в результате трех разделов Польши, к России перешел 81% территории Первой Речи Посполитой, в том числе большая часть Герцогства Варшавского под названием Царства Польского (Королевства Польского) — на основе династической унии (император всероссийский стал конституционным королем польским) [3, с. 4]. «Варшавское герцогство основано было Наполеоном, как угроза и аванпост против России. Впоследствии

Наполеон увеличил его присоединением от Австрии части Галиции. Открывая кампанию 1812 года, Наполеон называл ее второй польской войной и обещал полякам восстановление Польши в прежних пределах. Но война имела другой исход: Варшавское герцогство завоевано было русской армией, Австрия и Пруссия отдельными трактатами признали за Россией это приобретение...» [10, с. 254].

В то же время Польша стала восприниматься не как внешняя угроза для России, но как угроза внутренняя, являясь источником смут в Российской империи — интриг и заговоров против российского государства, восстаний и революций. В российской политике и в сознании российского общества появился польский вопрос. При этом польское национальное самосознание формировалось в духе противостояния России. В итоге польский фактор способствовал усилению центробежных тенденций в Российской империи и, в определенной мере, ее крушению.

Вначале Царство Польское было своеобразным государством в государстве. Александр I наделил поляков большими свободами, чем те, что существовали в самой империи. Им была дарована либеральная (с двухпалатным парламентом) конституция.

В ноябре 1815 года Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Были учреждены Сенат и палата депутатов. Сенат состоял из епископов, воевод, кастелянов, назначаемых пожизненно королем. Палату депутатов составляли 77 дворянских и 57 городских депутатов. Депутатом мог быть тот, кто платил 15 рублей податей, а сенатором — плативший 300 рублей. Избирателями были собственники не моложе 21 года, священники, профессора, ученые и художники. Проекты законов, принятые обеими палатами, утверждались королем. Конституция признавала свободу печати, за исключением случаев злоупотребления. В марте 1818 года при открытии польского сейма в Варшаве царь произнес речь, в которой заявил, что учрежденные в Польше конституционные порядки он намерен «распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные», однако с оговоркой: «когда они достигнут надлежащей зрелости». Его речь произвела сильное впечатление на прогрессивных людей в России, внушив им надежды на конституционные намерения царя [14, с. 65].

«На основании этой конституции (согласно с решением Венского конгресса), Польша объявлена на вечно соединенной с Россией, т. е. она соединена с империей не только на личном основании — единстве монарха, но и на реальном: она соединена с самой Россией неразрывно и должна следовать ее политической судьбе...

Законодательная власть разделена между царем и сеймом. Царь имеет право на абсолютное veto, т. е. без его утверждения не может получить силы решение сейма...

Конституция 1815 года давала в устройстве великих государственных властей — полный перевес правительственной: законодательная инициатива, право не допускать амендементов сейма, право готовить

письменные речи, созывать и распускать сейм, — исключительно принадлежало правительству...» [10, с. 255–257].

Данная конституция, которая некоторыми своими сторонами (особенно терминологией) примыкает к прежнему устройству Речи Посполитой, была весьма либеральной, принимая в расчет политические теории эпохи. В наиболее существенных своих пунктах она выдерживает сравнение с французской хартией 1814 года, которая в свою очередь должна была установить порядок, напоминающий английскую конституцию. Либеральный характер польского «конституционного устава» 1815 года также признается историками, изучавшими этот документ [2, Т. 47, с. 398].

Вступив на престол, император Николай I получил в наследство от своего предшественника не только огромный международный престиж России, но и нерешенную политическую проблему: наличие в Российской империи чуждого ей конституционного государства — Царства Польского. Присоединение к России герцогства Варшавского создало для российского правительства множество проблем. По мнению Николая I, западная граница Российской империи не усилилась, а ослабилась с присоединением такого ненадежного соседа. Кроме того, существование в Царстве Польском конституционного строя не соответствовало воззрениям Николая I, который полагал, что его создание является ошибкой, «достойной сожаления» [8, с. 42].

Конституция Царства Польского гарантировала полякам собственное гражданство, правительство, выборный законодательный орган (Сейм) и даже собственную армию, но под эгидой русской Короны. Польский язык был официальным государственным языком. Католическая церковь также имела официальный статус в Царстве Польском. Вместе с тем польская конституция оказалась недолговечной. Поляки не смогли примириться с русским владычеством даже в такой мягкой форме. Хотя благосостояние королевства возрастало: торговля и промышленность развивались. Государственные финансы находились в удовлетворительном состоянии. В то же время сейм 1820 года, отвергнув некоторые законопроекты, глубоко оскорбил Александра I. Речь Александра I при открытии второго польского сейма в сентябре 1820 года сильно отличалась от сказанного два с половиной года назад. В это время уже произошли революции в южно-европейских странах. Поэтому император угрожал полякам возможностью использовать силу в случае обнаружения у них какого-либо политического «расстройства» [14, с. 67]. После сессии 1822 года созыв сейма был отложен на неопределенное время. Свобода прессы подверглась ограничениям, действия полиции стали более жесткими. Кроме недовольных поляков, жаловавшихся на нарушение конституции 1815 года и негодовавших на то, что российский император не возвратил еще Польше белорусских областей, были и такие, которые мечтали о конституции 1791 года или об основании республики и хотели восстановить прежние границы и независимость Польши. Образовались тайные

общества. Следствие по делу русских декабристов показало, что между заговорщиками той и другой нации существовало соглашение [12, с. 576].

Весной 1829 года Николай I короновался польской короной. На 1830 год был назначен созыв сейма, не собиравшегося с 1825 года. В целом заседания его прошли благополучно, но показали, что оппозиция с ее идеалом национальной независимости имеет сильное влияние среди шляхты и офицерства. Полученные в Варшаве известия о революции во Франции спровоцировали Польское национальное восстание 1830–1831 годов.

В конституционный период в Царстве Польском (1815–1830 годов) политика в аграрной сфере не изменилась, декабрьский декрет 1807 г. оставался в силе. Широкие круги дворянства не имели желания менять эти отношения. Можно отметить лишь очень немного примеров, когда дворяне переходили от барщины к использованию наемного труда. Немного по-другому решался вопрос на государственных землях. В 1817 году были ограничены некоторые обязанности крестьян, на три года разрешалось добровольно переходить с барщины на наемный труд, что, впрочем, не особенно привлекло крестьян. До 1830 года около половины государственных крестьян еще оставались на барщине. Во время восстания, которое началось 29 ноября 1830 года, крестьянский вопрос не стал главным в политических баталиях, хотя со страниц газет О. Шанецки и М. Мохнацки призывали сейм и правительство освободить крестьян от зависимости, надеясь превратить восстание в народную войну. Либеральные же круги придерживались мнения, что следует заботиться в значительной степени о просвещении крестьян, чем о проведении реформ [18, с. 107].

После подавления польского восстания российское правительство теперь рассматривало Царство Польское исключительно как западную часть Российской империи. Император Николай I отменил в Польше конституцию. «Революция 1830 года положила конец конституции 1815 года. Император Николай I дал вместо нее органический статут (1832 года 26 февраля)» [10, с. 258]. Название Царство Польское сохранялось, короновали царя польской короной, особое польское войско и сейм упразднились. Посетив Варшаву в 1835 году, Николай I обратился к представителям польской знати с предупреждением: «Если вы будете лелеять мечту о независимости Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По велению моему воздвигается здесь цитадель, и я вам объявлю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город; я разрушу Варшаву и уж, конечно, я не отстрою ее снова» [8, с. 43].

Борьба российского самодержавия с польским национально-освободительным движением была связана с различными мерами ограничительного и реакционного характера в области народного просвещения и вероисповедания. Была усилена цензура, затруднен выезд за границу. Варшавский университет был закрыт. Притеснялось католичество, закрывались монастыри. Таким образом, реакционная политика царских властей еще более осложнила непростые, полные противоречий русско-польские отношения и не смогла предотвратить

нового революционного взрыва в Царстве Польском в 1863 году [8, с. 44].

Признав неизбежность введения начал сословности, выборности, представительства, правового государства, Александр II не сомневался в неизбежности самодержавной власти. Вопрос о конституции также встал перед ним. Он ставился и дворянством, стремившимся компенсировать свои потери в крестьянской реформе, и отдельными общественными и государственными деятелями, и освободительным движением в Польше и Финляндии. Царь выразил свое отношение к конституции очень определенно. Осенью 1859 года он с раздражением реагировал на всеподданнейшие адреса дворянства, и либеральные, и реакционные, если они содержали намеки на конституцию. Император Александр II оставил без внимания представленный ему в 1863 году Валуевым проект, которым предусматривалось проведение ограниченных конституционных преобразований в системе высших законосовещательных органов [6, с. 68].

В Российской империи в середине XIX века существование регионов с преобладающим нерусским населением постепенно превращалось в сознании царских властей в угрозу сепаратизма и развала страны. В отличие от наиболее дальновидных государственных деятелей Александр II не понял, что «дерево (крепостное право) пустило корень: оно осеняет и Церковь, и Престол», что внезапное упразднение крепостного права расшатает монолитность Российской империи: «здание Петра I поколеблется», «могут отойти даже части — Остзейские провинции, самая Польша» (слова С. С. Уварова, сказанные М. П. Погодину в 1847 году). Когда такая опасность действительно возникла, Александр II, учитывая силу национально-освободительного движения пошел на уступки. В Финляндии под давлением выступления широкой, организованной, мирной оппозиции он восстановил сейм, не собиравшийся полвека, лично его открыл в Борго в сентябре 1863 года и произнес речь, в которой дважды говорил о конституционной монархии [6, с. 68–69].

В Польше и Северо-Западном крае развитие событий оказалось драматичным. Выступая в Варшаве в 1856 году Александр II произнес слова: «Pas de reveries» («Никаких мечтаний»). Это происходило в крае, лишенном Николаем I автономии после восстания 1830–1831 годов и подчиненном жесткой регламентации. Когда же спустя 5 лет был принят указ в марте 1861 года о реформах, направленных на восстановление «автономной администрации» в Польше, время оказалось упущенным. «Император Александр II вскоре по вступлении на престол, 14/26 марта 1861 года, издал высочайший указ, отменявший те постановления, последовавшие после издания статута 1832 года, которые были в дисгармонии с автономией царства, и давший практическое существование многим постановлениям статута, оставшимися до сих пор в бездействии» [10, с. 260].

«Все эти планы мирного развития политических учреждений царства были прерваны восстанием, которое начавшись в январе 1863 года, быстро охватило все царство и значительную часть западных губерний. Во время

этого беспримерного восстания уяснился польский вопрос и с международной и с русской точки зрения. Франция и Англия сделали России предложения в дерзкой форме относительно умиротворения царства. По их мнению, завоевание царства русскими войсками в 1830 году не изменило обязательств России, принятых на Венском конгрессе...

...Западные державы, возбудивши поляков своим вмешательством, отступили перед войной, и польский вопрос вышел из сферы международной» [10, с. 267–269].

Польское национально-освободительное движение охватило всю Польшу и распространилось на западные губернии — Белоруссию, Литву и Правобережную Украину. Польское восстание 1863–1864 годов поставило Александра II перед необходимостью более решительных действий. Он категорически отверг возможность восстановления сейма, решив окончательно упразднить систему, введенную ещё Александром I, которую в определенной степени поддерживал наместник Польши великий князь Константин Николаевич [6, с. 69]. К концу 1864 года русская армия вновь установила полный контроль России над Польшей, и на этот раз Польша лишилась последних остатков особого статуса: то, что было «Царством Польским», стало называться «Привислинским Краем».

«Покончивши с вооруженным восстанием Россия решила твердо прекратить на будущее время возможность такой катастрофы. Она увидела, что сложность и опасность польского вопроса заключалась именно в господстве польского дворянского класса в западных губерниях...

В самом царстве правительство увидело необходимость общественных изменений. Царство представляло господство полное двух враждебных России сил — шляхты и католического духовенства, в особенности монашеского. Народ царства никогда в истории не действовал. Это самое важное отличие Польши от всех европейских государств, что там нацией всегда считалась только шляхта, а земледельческое население только рабочей силой. Вся история Польши совершалась шляхтой и для шляхты» [10, с. 269].

П. А. Валуев принадлежал к числу немногих политических деятелей эпохи Александра II, располагавших своей политической программой. Она состояла из двух частей. Первая предполагала реформу Государственного совета, а вторая включала в себя вопросы, связанные с созданием объединенного правительства (кабинета министров). Валуев отлично знал насколько негативно относился император Александр II к любым конституционным проектам. В начале 1863 года началось национально-освободительное движение в Царстве Польском, при этом усилились выступления дворян, требовавших участия в политической жизни страны взамен ущемления экономических прав, и активизировалось революционное движение. Валуев воспользовался внутривластными трудностями и обратился к царю с проектом своей конституции [5, с. 67].

Свои предложения он изложил в записке от 13 февраля 1863 года. Обосновывая необходимость реформы,

Валуев указывал на возможность определенных уступок полякам во избежание европейской войны, на разобщенность правительственных мер и на «волнения умов», на происки революционной пропаганды, подрывающей государственные устои. Он предлагал провести реформу Государственного совета, ради консолидации всех сил вокруг трона в это нелегкое для страны время. Однако на специальном совещании большинство присутствующих отнеслось к идее конституции очень сдержанно. Поэтому Александр II не поддержал валуевский проект.

Валуевская национальная политика имела весьма противоречивый характер. Он выдвигал ряд идей, которые в какой-то мере могли решить некоторые национальные проблемы. Так, Валуев полагал, что Царство Польское, Великое княжество Финляндское и прибалтийские провинции должны находиться в несколько особом положении. Он предлагал ввести здесь элементы автономии, сделать некоторые уступки господствующим классам [5, с. 72].

В то же время крайне резкую позицию занял Валуев в вопросе о самостоятельности украинского и белорусского народов, их языка и культуры. Он даже не признавал украинцев нацией. В вопросах национальной политики действия Валуева — министра во многом не соответствовали мыслям Валуева — человека. Национальную политику в России определял император и только он решал, куда и в каком направлении необходимо следовать Российской империи в этом вопросе. Валуев, как и другие министры, был только исполнителем воли монарха [5, с. 73].

Министр внутренних дел Валуев никогда не подвергал сомнению, что Польша должна быть крепкой частью России в политическом отношении. Он занимал четкую позицию: «Мы от Польши отрешиться не можем. Где проведем мы границу между Польшей и нами и оставим себе соприкосновение с Европой, если отделим Польшу? Недаром сливала постепенно история племена литовские, малороссийские с великорусскими, недаром замывала она кровью прежние границы. Где мы теперь отыщем их и как восстановим? Нам и не следует их восстанавливать» [4, с. 25].

Валуев резко возражал против идеи Назимова, предлагавшего восстановить границу между Царством Польским и Западным краем с целью воспрепятствовать проникновению из Польши «революционной пропаганды». В таких условиях Валуев предлагал ввести представительство, причем не только в масштабе Царства Польского, а для всей Российской империи. Затем он писал: «Чтобы Польша окончательно влилась в Россию и с нею сроднилась, нужно, чтобы русскому народу была дарована политическая жизнь. Народ, которого политические права ограничиваются правом ставить рекрут и правом кричать ура!, ещё не имеет ассимиляционных сил. Мы постоянно забываем, что кроме усложнения польского вопроса различием вероисповеданий, он затруднен различием степеней гражданской цивилизации и памятью прошедшего». Валуев был убежден, что «польский, западный, прибалтийский, быть может другие грядущие вопросы этого рода разрешимы

не в Варшаве, Вильно, Риге, Тифлисе или Иркутске, а в Санкт-Петербурге и в Москве» [4, с. 29].

Всплеск освободительной борьбы поляков вызвал внутри России особенно болезненную реакцию, был расценен российской общественностью как предательство и вызвал бурный рост национальных настроений снизу и сверху. Против поляков объединилась практически вся правившая, чиновничья и образованная Россия. Многие авторитетные, в том числе и либеральные, издания требовали «навести в Польше порядок твердой рукой». Базовым интегрирующим фактором для русской общественности выступала прежде всего конфессиональная компонента — противостояние по линии православие-католичество. М. Н. Катков на страницах своей газеты «Московские ведомости» называл происходящее в Царстве Польском «ксендзо-шляхетским мятежом». После восстания 1863—1864 годов поляки изображались как враги России и православия [3, с. 5].

В начале XX века русская нация состояла из трех основных ветвей русского народа: великороссов, украинцев и белорусов — плюс «русифицированные» или ассимилированные этнические группы, входившие в Российскую империю. Общая численность русских в таком широком смысле слова, по данным переписи 1897 года, составляла 65,5% всего населения России. При этом царские власти не относили к русской нации такой славянский этнос, как поляки, значительная часть которого оказалась в составе Российской империи после разделов Речи Посполитой. Это было обусловлено прежде всего различиями в конфессиях, а также насильственным характером присоединения части территории Польского государства. Поляки ответили на такие действия царских властей национально-освободительными восстаниями 1830—1831 и 1863—1864 годов. В результате значительная часть ссыльных поляков оказалась в Сибири, хотя основная масса польского населения продолжала проживать на западе страны. В дальнейшем немало поляков принимало активное участие в культурной и экономической жизни России, но национальное самосознание этого этноса не принимало перспективу сменить культурный круг и раствориться среди русских. Кроме того, со второй половины XIX века стали подвергаться преследованиям польский язык и католическая церковь [13, с. 183].

Польские национально-освободительные восстания 1830—1831 и 1863—1864 годов в контексте дарованной в 1815 году Царству Польскому автономии привели к возникновению в российском обществе негативного стереотипа «неблагодарных поляков». Эти восстания сформировали в России явление полонофобии как реакции на польскую «измену» интересам империи [3, с. 5].

Русская полонофобия наложила отпечаток на «инородческую» политику самодержавия. Польская русофобия существенно повлияла на образ России в глазах Запада и оказала воздействие на национальную украинскую и белорусскую идеологию. Х. Г. Манштейн в своих мемуарах об Украине и украинских казаках в первой половине XVIII века писал следующее: «Они обитают Украйну, или так называемую Малую Россию, бесспорно, один из прекраснейших краев в Европе. Одна половина

принадлежит российской империи, другая — Польше; обе доли разделяет река Днепр, или Борисфен, служа в то же время обоюдной границей. В прежнее время казаки были независимый народ. Происхождение их одинаковое с поляками, но веру исповедуют греческую... Казаки долгое время находились под покровительством польской республики, и оказали ей важные услуги в войне с турками. Когда же поляки вздумали поступать с ними как с рабами, они взбунтовались под предводительством гетмана Хмельницкого...» [11, с. 16]. Таким образом, исходя из мемуаров Манштейна следует вывод о существовании серьезного польского влияния на население Украины.

И. М. Кабештов в своих воспоминаниях о Киеве середины XIX века писал следующее: «...вся прислуга и обитатели гостиниц говорили почти все по-польски, вывески сплошь были написаны тоже по-польски.

Это привело меня в удручающее впечатление, и к тому же на меня смотрели свысока...

Мне постоянно русские говорили, что нам, русским служащим, с ограниченными средствами жить здесь очень тяжело, как по дороговизне, так и по высокомерному отношению к нам поляков, почти явно нас презирающих, в особенности теперь, в ожидании венгерского похода, где, как кажется, поляки будут опять отстаивать свою отчизну от моря до моря» [7, с. 59–61].

В 1876 году Валуев предостерегал Александра II о том, что «разрешение создавать специальную литературу на украинском диалекте для простых людей способствует отделению Украины от России. Допустить отделения 13 миллионов малороссов будет крайней политической безответственностью, особенно на фоне объединительных процессов, происходящих в соседней Германии» [16, Т. 1, с. 424].

Литература:

1. Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран: учеб. — 2-е изд. перераб. и доп. М., 2007.
2. Брокгауз Ф. А. — Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 47. Повелительное наклонение — полярные координаты. М., 1990.
3. Бухарин. И. И. Российско-польские отношения в XIX — первой половине XX в. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 3–16.
4. Гетманский А. Э. Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 24–45.
5. Гетманский А. Э. Петр Александрович Валуев // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 58–86.
6. Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 58–79.
7. Кабештов К. М. Моя жизнь и воспоминания. Бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным. Сумы, 1906.
8. Капустина Т. А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 27–49.
9. Конспект лекций. Конституционное право зарубежных стран / сост. А. В. Петренко. М.; СПб., 2011.
10. Лохвицкий А. В. Обзор современных конституций: XVIII — первая половина XIX века. Швейцария, Франция, Германия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Польша. М., 2017.
11. Манштейн Х. Г. Записки о России генерала Манштейна. М., 1998.
12. Рамбо А. История древней и новой России. Смоленск, 2001.
13. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2003.
14. Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 50–72.
15. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001.
16. Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 т. М., 2003.
17. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве: Лекции. М., 2015.
18. Шпопер Д. Польское дворянство и крестьянский вопрос в XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 106–113.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Внедрение информационных технологий в деятельность судов

Фролов Артём Олегович, магистрант
Тамбовский государственный технический университет

Фролова Светлана Викторовна, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет

Информатизация общества, внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности естественным образом никак не могли обойти стороной и область урегулирования отношений между людьми. Законодательная деятельность является ключевым и одним из наиболее значимых, по своим социальным последствиям, видов деятельности Российского государства.

Сеть Интернет, развивающаяся чрезвычайно быстрыми темпами практически во всех государствах, включая Россию, кардинально изменила устоявшиеся представления о видах и способах общения, в том числе и информационного обмена в современном обществе.

Российская Федерация, являющаяся территориально самой большой страной в мире, использует уникальный технологический шанс качественной интеграции всех регионов на основе построения информационного общества и электронного государства.

Интересным будет проследить этапы становления электронного правосудия в нашей стране с точки зрения его информационно-правового обеспечения.

Первым вестником в этой сфере, в нашей стране можно считать Федеральный закон 1995 года **«Об информации, информатизации и защите информации»**.

Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие при: формировании и использовании информационных ресурсов на основе создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и предоставления документированной информации; создании и использовании информационных технологий и средств их обеспечения; защите информации, прав субъектов, участвующих в информационных процессах и информатизации.

Следующим значительным шагом с точки зрения развития рассматриваемого процесса является принятие Федерального закона **«Об информации, информационных технологиях и о защите информации»** в 2006 году, который регулирует отношения, возникающие при: осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации;

применении информационных технологий; обеспечении защиты информации.

Федеральный закон **«О персональных данных»**, принятый в то же время, регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных, осуществляемой федеральными органами государственной власти, органами государственной власти.

Внедрение цифровых систем в судебную систему требовало разработки правовой базы. В 2008 году был принят Федеральный закон **«Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»**, которым были установлены основные принципы и способы обеспечения к судебной информации, определены формы ее представления. Закон определил принципы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, среди которых являются открытость, доступность, достоверность информации о деятельности судов и своевременность ее предоставления, свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов любым законным способом; соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, невмешательство в осуществление правосудия при предоставлении информации о деятельности судов. Также Закон определяет способы доступа к судебной информации: присутствие в открытом судебном заседании, обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в СМИ; размещение информации в сети Интернет; размещение информации в помещениях судов; предоставление информации по запросу; ознакомление с архивной информацией.

С целью создания единообразного применения данного закона судебными органами были изданы подзаконные нормативные правовые акты, уточняющие и конкретизирующие порядок внедрения элементов электронного правосудия в деятельность судебной власти в Российской Федерации. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.04.2009 № 71 **«Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности судов общей юрисдикции, органов**

судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети Интернет» стал первым таким актом.

Положения регламента определяют условия создания (обновления), подготовки и размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о деятельности судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества, Судебного департамента и управлений (отделов) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации. Помимо общих сведений, касающихся обмена информацией в электронном виде между судебными органами и гражданами, регламент определяет характер предоставляемой информации, сроки ее размещения на официальных сайтах судов, а также устанавливает субъектов, ответственных за предоставление информации.

В целях определения порядка взаимодействия управлений (отделов) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по созданию условий для мировых судей, способствующих осуществлению работы по размещению информации о деятельности мировых судей в случае, если мировой судья не имеет официального сайта и возможности размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет, в соответствии с частью 1 статьи 10 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов Российской Федерации» Судебным департаментом при Верховном Суде РФ был издан приказ о «Об утверждении Временного регламента размещения информации о деятельности мировых судей на официальных сайтах органов Судебного департамента в субъектах Российской Федерации». Важно отметить, что данный правовой акт, закрепил значимость электронного правосудия в реализации конституционных положений таких как: право на информацию (часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации), право каждого на доступ к документам и материалам органов государственной власти, непосредственно затрагивающим его права и свободы (часть 2 статьи 24 Конституции Российской Федерации). Пунктом 1.6 Положения подтверждено, что официальный сайт суда является дополнительным средством обеспечения права граждан на обращения в суд.

В рамках совершенствования судебной системы и в целях расширения применения информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов общей юрисдикции, укрепления самостоятельности и независимости судей в июне 2011 года принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Законом были расширены процессуально допустимые способы формирования состава суда с учетом нагрузки и специализации судей, а также для исключения влияния лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства, путем использования информационных систем. Таким образом, было введено автоматизированное распределение дел между судьями,

которое осуществляется за счет введенных в эксплуатацию информационных систем ГАС «Правосудие».

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» закреплён новый способ извещения лиц в гражданском процессе, это извещение с помощью sms.

Развитие информатизации органов государственной власти происходит на фоне проведения судебной реформы, включая новый этап реформирования судебной системы, связанный со слиянием высших судебных инстанций, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего арбитражного Суда Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 года № 1406 утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы на 2013—2020 годы», определяющая концептуальные вопросы модернизации судебной системы с применением информационно-коммуникационных инструментов.

Прогрессивным документом для развития электронного правосудия можно считать Федеральный закон 2015 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», касающийся возможности выносить исполнительные документы в электронной форме, особенности их применения, а также использования в качестве доказательств в суде. Согласно внесенным изменениям в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, исполнительный лист вместе с копией приговора может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей, усиленной квалифицированной электронной подписью. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации был дополнен положением о том, что постановление по делу об административном правонарушении может быть вынесено и направлено для исполнения в форме электронного документа (в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем) подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью.

Об актуальности развития электронного правосудия в информационном обществе и государстве свидетельствуют существенные изменения, происходящие на основе внедрения в процесс судопроизводства технических средств, способствующих реализации большинства функций судебной системы. Информатизация органов правосудия, осуществляемая при помощи новых цифровых возможностей, развивается каждый год в геометрической прогрессии. Так, в целях совершенствования законодательства, касающегося формирования электронного документооборота в судебной системе, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», принятый в 2016 году и направленный на увеличение потенциала электронного правосудия.

Вопросы совершенствования законодательной деятельности и повышения качества законов особенно

актуальны для современной России. Изменения направления развития правовой системы, получившие мощный толчок много лет назад сопряжено с актуализацией целого комплекса проблем, пребывавших в латентном состоянии, либо не существовавших вовсе. Особую значимость приобретает необходимость соответствия законодательного регулирования требованиям формирования новых общественных отношений, повышение эффективности принимаемых актов.

Одним из путей повышения эффективности законодательной деятельности является совершенствование

информационно-правового обеспечения правотворческих решений. Это достигается, в частности, путем предоставления законодателю достоверной, полной и своевременной информации, собранной и обработанной на основе современных компьютерных и иных информационных технологий.

Развитие информационных технологий в судебной системе Российской Федерации является объективно необходимым условием для успешного решения поставленных перед судом задач по отправлению правосудия. Это уже ни для кого не секрет и информатизация судов стала явью.

Литература:

1. Федеральный закон от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ (в ред. От 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации» // Российская газета. 22.07.1995 г.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. От 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. И доп., вступ. В силу с 01.01.2018).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (31.12.2017) «О персональных данных» // Российская газета. 29.07.2006.
4. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. От 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
5. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. От 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. 13.02.2009.
6. Федеральный закон от 8 марта 2015 года № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1411.
7. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3889.
8. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. От 15.02.2014) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013, 1, ст. 13.4.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Регулирование монопольной деятельности посредством мер законодательного и экономического характера

Мирзоева Эльвира Расимовна, студент
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

В статье рассматриваются актуальные проблемы монопольной власти на современном рынке и вытекающей из этого необходимости глубинного понимания сущности монополии, а также законодательного регулирования данной рыночной структуры.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, регулирование монопольной деятельности, стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в РФ.

Несмотря на реальные убытки, создаваемые недобросовестными фирмами-монополистами, большинство учёных-экономистов все же сходятся во мнении, что монополии имеют право на существование в современных рыночных условиях, так как ничем иным их заменить просто невозможно. Если бы каждой железнодорожной веткой между городами владела отдельная организация, то это привело бы к возрастанию стоимости транспортировки и нарушению целостности экономического пространства. Неизбежность существования монополий и в то же время необходимость эффективного предотвращения негативных последствий монопольной власти побуждает государство за счет принадлежащего ему механизма принуждения использовать определенные инструменты для регулирования их деятельности.

Регулирование монопольной деятельности осуществляется посредством мер законодательного и экономического характера.

Антимонопольное законодательство, в узком смысле, подразумевает формальные нормы, направленные против появления чистых монополий и крупных олигополий, обладающих избыточной монопольной властью, а также на предотвращение недобросовестных действий экономических субъектов. В широком смысле, антимонопольное законодательство направлено против всех форм накопления монопольной власти, любых форм монопольного поведения [3].

Классическим примером антимонопольного законодательства является антитрестовское законодательство США. Первым его актом стал знаменитый закон Шермана (1890 г.), который был направлен против монополизации торговли и коммерческой деятельности, и нацелен на борьбу с уже существующими монополиями. В качестве мер наказания предусматривались штрафы, возмещение убытков, тюремное заключение и даже расформирование фирм [3].

Современное российское антимонопольное законодательство основывается на Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ и состоит из Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2], Федерального закона от 17.08.1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», иных федеральных законах, регулирующих отношения связанные с защитой конкуренции, предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции [1].

Экономические меры регулирования деятельности монополий — это набор экономических инструментов, при помощи которых ограничиваются возможности реализации монопольной власти. Традиционно выделяет три условные группы механизмов регулирования монополий [6]:

1. Непосредственное (прямое) установление цен на продукцию естественных монополистов, которое призвано, во-первых, гарантировать производство и потребление продукции в экономически эффективном объеме, в том, который был бы при совершенной конкуренции, и, во-вторых, обеспечить самофинансирование предприятия.

С точки зрения взаимосвязи с объемом производства цены можно разделить на линейные и нелинейные. Исходя из этого, целесообразно выделить три способа ценообразования:

- линейное ценообразование — установление максимальных цен на уровне средних общих издержек при равенстве их спросу;
- ценообразование Рамсея — установление цен на уровне предельных издержек, равных сложившемуся спросу. Ценами Рамсея называют линейные цены, минимизирующие чистые потери общества при условии, что общая выручка предприятия равна его общим затратам [8];

— нелинейное ценообразование, самым простым случаем которого, является метод установления двухступенчатого (двуступенчатого) тарифа. Одна часть тарифа фиксируется на уровне предельных затрат, а вторая часть тарифа, призванная покрыть возникающий убыток, определяется делением величины убытка на общее число потребителей. Первую часть можно сравнить с абонентской платой (фиксированная сумма с любого потребителя), а вторая выступает платой за каждую единицу продукции в соответствии с ценой, которую устанавливает государство [7].

2. Косвенное регулирование цен через установление предельных величин прибыли и объемов производства. Является производным от методов установления цен. Их суть заключается в жестком лимитировании максимального размера прибыли или минимального объема производства, диктуя тем самым и одновременно контролируя уровень цен монополиста.

3. Использование конкурентных механизмов для передачи прав на производство продукции (оказание услуг) в условиях естественной монополии [6]. Речь идет о конкурсной продаже лицензий, которые дают фирме право стать естественным монополистом в определенной сфере. Наиболее яркий пример — передача отдельных железных дорог в концессию в Аргентине, Бразилии и некоторых других странах с целью повышения эффективности их функционирования. Аналогичная практика имела место быть и в России.

Объективными причинами, способствующими на сегодняшний день возникновению монополий и препятствующих развитию конкуренции на российских рынках, являются следующие:

- отраслевая структура российской экономики с преобладанием сырьевых отраслей или отраслей с низкой степенью переработки;
- экспортная ориентация компаний, дающая возможность отказаться от конкуренции на внутреннем рынке;
- незавершенность преобразований в области либерализации экономики, в первую очередь защиты прав субъектов хозяйственной деятельности;
- избыточные ограничения входа новых участников на рынки;
- кризисы и антикризисные меры, влияющие на конкуренцию [4].

На рынках, обладающих подобными характеристиками, выше стимулы к заключению и поддержанию соглашений о ценах и в широком смысле — к отказу от конкуренции. Крупные компании в таком случае имеют больше возможностей ограничивать конкуренцию в одностороннем порядке. Сильнее и потенциальные отрицательные эффекты от дополнительного повышения концентрации, в том числе от слияний.

Большинство описанных факторов, препятствующих конкуренции и влекущих за собой установление монопольной власти, не могут быть устранены с помощью даже идеального применения идеального антимонопольного законодательства. Для решения этой задачи требуются меры активной конкурентной политики, — включая

повышение защиты прав собственности, расширение экономической свободы, снятие инфраструктурных ограничений, — на протяжении многих лет [4].

В целях совершенствования институтов защиты конкуренции и ее развития ФАС России разработана стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в РФ на период 2013—2024 гг. Стратегия определяет четыре приоритета в деятельности службы [5]:

1. создание благоприятной институциональной и организационной среды для эффективной защиты и развития конкуренции за счет:

- совершенствования антимонопольного законодательства и практик его применения;
- реализации институциональных мер, направленных на развитие конкуренции;
- создания правовых и организационных механизмов пресечения нарушений антимонопольного законодательства нерезидентами РФ;
- внедрения эффективных инструментов методического сопровождения деятельности антимонопольных органов;
- повышения качества межведомственного взаимодействия и взаимодействия с судебными органами;
- повышения эффективности деятельности антимонопольных органов;
- развития внешних и внутренних коммуникаций.

2. снижение административных барьеров, препятствующих развитию и свободному функционированию рынков путем внедрения институтов, обеспечивающих повышение эффективности функционирования органов власти;

3. обеспечение недискриминационного доступа потребителей к услугам естественных монополий, формирование эффективных механизмов тарифообразования путем реформирования базовых институтов регулирования деятельности субъектов естественных монополий, а именно:

- стимулирования снижения цен на услуги естественных монополий, повышения качества таких услуг и их доступности;
- повышение эффективности реформирования субъектов естественных монополий;
- повышение прозрачности закупок, осуществляемых субъектами естественных монополий, в целях снижения себестоимости и повышения эффективности использования ограниченных ресурсов;
- повышение доступности услуг и инфраструктуры субъектов естественных монополий.

4. создание условий для эффективной конкуренции при размещении государственного и муниципального заказа и реализации на торгах государственного имущества путем развития и совершенствования механизмов размещения государственного заказа.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что неизбежность существования монополий и вместе с тем необходимость эффективного предотвращения негативных последствий монопольной власти побуждает государство использовать

меры законодательного и экономического регулирования деятельности монополий.

Наличие на современном рынке значительного количества факторов, препятствующих конкуренции и влекущих за собой установление монопольной власти,

обуславливает в первую очередь необходимость внедрения в отечественную практику мер активной конкурентной политики и наряду с этим действия, направленные на совершенствование современного антимонопольного законодательства.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.08.1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — [1997–2017 КонсультантПлюс]. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/
2. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — [1997–2017 КонсультантПлюс]. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/
3. Нуреев Р. М. Курс микроэкономики: учебник для вузов. — 2-е изд., изм. — М.: Издательство НОРМА, 2002. — 572с.
4. Развитие и применение антимонопольного законодательства в России: по пути достижений и заблуждений: доклад к XII Международной научной конференции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апреля 2011 г. / С. Авдашева, Н. Дзагурова, П. Крючкова, Г. Юсупова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 111с.
5. «Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в РФ на период 2013–2024 г.» (утв. Президиумом ФАС России от 03.07.2013) // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы России. — [Электронный ресурс]. — http://fas.gov.ru/netcat_files/File/Str_razv_konk_i_antimonop_reg.pdf
6. Тарасевич Л. С., Гальперин В. М., Игнатъев С. М. 50 лекций по экономике: учебное пособие. — М.: Издательство «Экономическая школа», 2000. — [Электронный ресурс]. — <http://50.economicus.ru/index.php?ch=5&le=48&r=3&z=1>
7. Цихотский Ф. Н, Телкова М. Г, Кривцова М. К. Государственное регулирование естественных монополий // Транспортное дело России. — № 1. — 2014. — 172–176с.
8. Ramsey F.P. A contribution to the theory of taxation // Econ. J. 1927. Vol. 37. P. 47–61.

Конкуренция как социально-экономическое и правовое явление

Сокуренок Кирилл Германович, магистрант

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Одним из главных признаков рыночной экономики является противоречие и столкновение интересов участников предпринимательской деятельности.

Конкуренция как социально-экономическое явление заключается в борьбе независимых экономических субъектов за ограниченные экономические ресурсы. Конкуренция является экономическим процессом взаимодействия и борьбы действующих на рынке предприятий, направленная на обеспечение лучших возможностей для сбыта предлагаемого покупателям товара и оказания услуг.

Конкуренция товаропроизводителей характерна также и для внешней экономики, так как для успешной деятельности на внешнем рынке, необходимо повышение конкурентоспособности отечественных товаров. При импорте товаров на территорию нашей страны, действующая конкуренция среди иностранных продавцов, позволяет добиваться более выгодных условий купли-продажи.

Конкуренция является многогранным понятием, которое невозможно охарактеризовать единым определением.

Основным тезисом, который будет выдвигаться и поддерживаться автором настоящего эссе, будет выступать тезис о том, что: **«Несмотря на правовое значение конкуренции, ее социально-экономическая роль является преобладающей».**

Итак, конкуренция представляет собой основную существенную черту товарного производства, способ экономического развития, а также стихийный регулятор общественного производства.

Как социально-экономическое явление, конкуренции присущи, как положительные, так и отрицательные черты.

Положительными сторонами конкуренции являются следующие:

Конкуренция одновременно имеет и положительные и отрицательные стороны:

- способствует развитию научно-технического прогресса, так как постоянно заставляет производителей товаров, работ услуг внедрять новейшие технологии, а также более рационально использовать имеющиеся ресурсы.

- в условиях конкурентной борьбы на второй план отходят некачественные товары, устаревшее производство и техника;
- в результате конкурентной борьбы снижаются издержки производства, приостанавливается рост цен на товары, а в некоторых случаях цены снижаются вообще;
- конкурентная борьба выравнивает норму прибыли на уровень заработной платы. [4, с. 35.]

Среди негативных сторон конкуренции можно отметить следующие из них:

- делает осуществление предпринимательской деятельности нестабильным, создает условия для развития и повышения уровня инфляции, безработицы,
- приводит к несправедливому распределению полученных в результате предпринимательской деятельности доходов,
- может приводить к избыточному производству товаров, а также недозагрузке производственных мощностей в моменты производственных спадов.

Несмотря на социально-экономическую характеристику конкуренции, которая была приведена выше, ей присуще также и определенное юридическое содержание.

По мнению автора настоящего эссе, правовое значение конкуренции заключается в следующем.

Во-первых, конкуренция представляет собой социальный регулятор, на основании регулируется поведение различных субъектов. В этом смысле конкуренция формирует общественные правила поведения людей. В свою очередь, право, как основной элемент системы социального регулирования, осуществляет взаимодействие с конкуренцией и производит ее регулирование нормами права.

Несмотря на это, право и закон не могут заменить конкуренцию, что наглядно видно в экономике на примере регулирования цен на товары, работы, услуги.

Именно конкуренция, а не предписания правовых норм и административные установления, в большинстве случаев, является наиболее естественным и эффективным регулятором цен.

Во-вторых, правовая сторона конкуренции заключается в том, что юридической предпосылкой конкуренции служит свобода экономической деятельности, которая закреплена в части 1 статьи 8 Конституции РФ, с сопутствующими ей элементами:

- свобода договора,
- свобода предпринимательства,
- свобода конкуренции. [1]

Фундаментальные положения данной конституционной нормы более подробно характеризуются в антимонопольном и гражданском законодательстве.

Судебная арбитражная практика свидетельствует о том, что суд, в большинстве случаев, принимают за основу при вынесении решений по хозяйственным спорам конституционный принцип свободы экономической деятельности и свободы конкуренции.

В-третьих, конкурентная борьба хозяйствующих субъектов содействует реализации прав потребителей

(например, права на выбор товаров (работ, услуг) или на получение информации).

При отсутствии конкуренции на рынке товаров, работ и услуг, вышеперечисленные права потребителя существенно ограничиваются.

Именно потребитель считается ключевым участником процесса конкуренции, так как его правомерное поведение, является важным элементом конкурентной борьбы.

В-четвертых, правомерная конкуренция, которая разрешена на законодательном уровне, способствует независимой деятельности субъектов предпринимательской деятельности соответствующего сегмента рынка. В условиях конкуренции, хозяйствующие субъекты с помощью законных средств, стремятся получить наиболее выгодные условия производства и сбыта.

Несмотря на правовой характер понятия конкуренции, предпринимательская деятельность, легальное определение которой содержится в пункте 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ отличается от понятия конкуренции. [2, ст. 3301.]

Для конкуренции важным моментом является состязательность, наличие соперников в соответствующем сегменте рынка, за счет которых достигаются поставленные цели.

В свою очередь, предпринимательская деятельность может осуществляться и при отсутствии конкуренции (например, в условиях естественной монополии. [6, с. 59.]

Кроме того, правовой характер конкуренции при достижении предпринимателями поставленной цели заключается в том, что способы достижения таких целей не должны противоречить требованиям действующего законодательства, обычаям делового оборота, недопустимым является также противозаконное использование интеллектуальной собственности.

В-пятых, конкуренция представляет собой общественные отношения, которые складываются между субъектами предпринимательской деятельности, что составляет предмет правового регулирования.

Предпринимательские правоотношения являются урегулированными нормами права, которые содержатся в различных актах действующего законодательства (антимонопольного, гражданского и пр.) В результате урегулирования правовыми нормами, конкурентные правоотношения приобретают свою юридическую форму, что составляет правовую сторону конкуренции.

В соответствии с пунктом 7 статьи 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. [3, ст. 34.]

Правовое значение конкуренции вышеприведенного понятия «конкуренция», которое содержится в антимонопольном законодательстве, по мнению А. В. Юданова, выражается в следующем:

- в результате конкурентной борьбы создаются необходимые условия для деятельности антимонопольного законодательства;
- недобросовестные проявления конкуренции (например, ее устранение или недопущение) представляют собой противоправные наказуемые деяния;
- сформировавшиеся в процессе борьбы на конкретном рынке обычаи делового оборота являются образцом при выявлении случаев недобросовестной конкуренции;
- содействие развитию конкуренции является на сегодняшний день одной из основных задач антимонопольного органа;
- конкурентная борьба в соответствующем сегменте рынка, является критерием при осуществлении государственного антимонопольного контроля. [7, с. 12.]

Итак, убедившись в преобладающем социально-экономическом характере конкуренции, в заключении настоящего эссе необходимо сделать следующие выводы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.2014) // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. — 1994. — № 32.
3. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. — 2006. — № 31. — Ст. 34.
4. Буданова И. Б. Антимонопольное законодательство России. // «Общество и экономика». — 2013. — № 2.
5. Никеров Г. Н. Монополия и антимонопольная политика «у них» и «у нас» // «Вопросы экономики». — 2015. — № 11.
6. Парашук, С. А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии) Текст. / С. А. Парашук. М.: Городециздат. — 2012. — 90 с.
7. Юданов А. В. Теория конкуренции: прикладной аспект // «Мировая экономика и международные отношения». — 2014. — № 5.

Основная задача государственного антимонопольного регулирования заключается в обеспечении надежных, безотказных мер влияния экономической системы на изменение условий рынка. Антимонопольная политика государства, включает разработку антимонопольного законодательства и контроль за его осуществлением.

Проблема заключается в том, что бизнес располагает значительным практическим мировым опытом конкурентной борьбы. Имеется возможность без дополнительного теоретического изучения и самостоятельных разработок, усвоить сформировавшиеся в практике варианты решения проблемы.

В сложившихся условиях конкурентной борьбы, выходом из ситуации является выделение наиболее ценного в имеющейся практике и формирование на этой основе таких приемов и методов конкуренции, которые:

- с одной стороны, отвечали бы особенностям развития конкретного производства,
- с другой — сложившейся в России рыночной ситуации и тенденциям ее развития.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Роль корпоративного договора в управлении обществом с ограниченной ответственностью

Кудрявцева Анастасия Сергеевна, магистрант
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В данной статье рассматриваются проблемы использования корпоративного договора в управлении обществом с ограниченной ответственностью. Автором исследованы вопросы правовой природы рассматриваемого договора, а также соотношения его положений с уставом общества.

Ключевые слова: корпоративный договор, договор об осуществлении прав участников ООО, устав, общество с ограниченной ответственностью, корпоративное управление.

Сегодня корпоративный договор всё чаще используется не только акционерами, но и участниками общества с ограниченной ответственностью. Данный документ выступает регулятивным инструментом, воздействующим на деятельность корпорации и правоотношения, складывающиеся между её участниками, что влечёт необходимость его глубокого анализа.

Корпоративный договор является одним из внутренних документов, принимаемых корпорацией самостоятельно и касающихся корпоративного управления, и, согласно ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ), представляет собой договор, заключаемый в письменной форме между участниками хозяйственного общества или только между некоторыми из них, предусматривающий осуществление ими своих прав определённым образом или воздержания либо отказа от этого (что проявляется также в возможности установления определённых правил при голосовании на общем собрании участников общества), согласованного осуществления иных действий по управлению обществом, приобретению или отчуждению доли в его уставном капитале по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздержания от отчуждения долей до наступления определенных обстоятельств. Данный договор, согласно п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] (далее — «Об ООО»), также именуется договором об осуществлении прав участников ООО. Согласно теории корпоративного права, такой договор можно определить как «инструмент корпоративного управления, договорной способ управления организацией, когда решение участников корпорации вместо обычного, в каждом отдельном случае обособленного друг от друга участника, принимается в соответствии с порядком, установленным в одном документе, подписанном сторонами этого договора» [3]. Необходимо отметить, что,

в отличие от гражданско-правовых договоров, его предметом является не возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей лиц, являющихся его сторонами, а регламентация осуществления принадлежащих им корпоративных прав и возложение определённых обязанностей. Представляется, что главным назначением такого документа, помимо закрепления порядка управления обществом, является установление баланса интересов участников ООО. Заключая его, стороны действуют согласно своей воле и отражают её в его положениях. Ввиду его значения в корпоративных правоотношениях, представляется, что он является не только гражданско-правовой сделкой (или обязательством) как иные договоры, но также и решением общего собрания участников ООО, так как данный договор имеет его признаки.

Мнение о корпоративном договоре как одном из видов гражданско-правовых договоров было высказано судом в решении Арбитражного суда Свердловской области от 25.06.2015 по делу № А60—12804/2015 [4]. Суд, анализируя положения законодательства, отметил, что данный договор является обычным договорным обязательством, не регулируется корпоративным законодательством и относится к поименованному типу общегражданских договоров несмотря на то, что такой договор прямо не предусмотрен положениями ГК РФ, в связи с чем данные правоотношения не могут регулироваться характерными для корпоративного права императивами и ограничениями.

Необходимо отметить особенность такого договора в регулировании корпоративных отношений, проявляющаяся в том, что, в соответствии с п. 5 ст. 67.2 ГК, его положения создают обязанности только для лиц, являющихся его сторонами, а для иных лиц таких обязанностей не создаётся. Таким образом, они не могут служить основанием для признания недействительными решений органов управления ООО, а также изменять

предусмотренный законодательством и уставом порядок формирования указанных органов и принятия им решений или иных правил, предусмотренных для данного юридического лица. В случае, если сторона такого договора перестаёт быть участником общества, согласно п. 8 указанной статьи, его действие не прекращается для иных сторон, если только это прямо не предусмотрено его положениями. Кроме того, можно говорить и об особой цели заключения такого соглашения — соблюдение необходимого уровня правовой определенности соответствующих отношений, поддержания стабильности гражданского оборота и обеспечения разумного баланса интересов всех участников ООО, что было отмечено в Определении Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 670-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5].

Довольно спорным является вопрос соотношения корпоративного договора и устава ООО, являющегося единственным учредительным документом ООО. По правилам, предусмотренным абз. 2 п. 5 ст. 52 ГК РФ, положения договора, как и положения других внутренних документов юридического лица, не должны противоречить положениям, закреплённым в уставе. Наоборот, корпоративный договор должен дополнять положения устава, конкретизировать регулирование правоотношений, не затронутых им, а также уточнять некоторые его положения, развивая их. Аналогичное положение закреплено и в п. 7 ст. 67.2 ГК РФ, согласно которому стороны не могут ссылаться на недействительность рассматриваемого документа в связи с наличием в его тексте положений, противоречащих положениям устава. Верховный Суд РФ разъяснил, что в таком случае «сторона корпоративного договора не утрачивает право на предъявление к другой стороне требований, основанных на таком договоре» [6]. Также следует заметить, что суды склоняются к тому, чтобы при рассмотрении споров, касающихся данной сферы правоотношений, ввиду их правовой природы и предусмотренных законодательством норм, применять к ним общие положения об обязательствах [7].

Указанная норма является довольно неоднозначной для применения. Мнения российских правоведов в отношении того, нормы какого документа будут носить приоритетный характер в такой ситуации — устава или корпоративного договора — разделились. Некоторые научные деятели отдают предпочтение положениям, закреплённым в корпоративном договоре, объясняя это прежде всего более поздним временем составления данного документа и его диспозитивностью [8, с. 38]. Однако следует заметить, что указанная точка зрения была высказана на основании ранее действующей редакции ГК РФ. Большинство мнений по данному вопросу всё же сводится к тому, что положения устава превагируют над положениями договора ввиду того, что устав утверждается всеми участниками общества, а сторонами договора могут быть только некоторые из них. Однако одни из сторонников такой точки зрения, В. К. Андреев и В. А. Лаптев,

отмечают, что корпоративный договор можно признать недействительным в порядке признания недействительными решений общего собрания участников, так как «корпоративный договор скорее решение собрания, чем договор, поскольку волеизъявление участников формируется не на взаимной, встречной основе» [9, с. 122].

Кроме указанной точки зрения, Арбитражный суд г. Москвы отмечал, что данный договор является сделкой, обязательной только для участвующих в ней лиц. При этом суд указывал, что положения устава существенны и должны быть приняты во внимание при заключении корпоративного договора, а, следовательно, устав имеет превагирующее значение и выступает своего рода предпосылкой для заключения такого договора [10].

Также необходимо отметить, что при рассмотрении споров, касающихся данных правоотношений, суды исследуют конкретные положения корпоративных договоров на предмет их содержания и соответствия законодательству и уставу, а также условия и порядок его заключения. Так, в ранее упомянутом решении Арбитражного суда Свердловской области от 25.06.2015 по делу № А60–12804/2015 суд установил, что положения договора не противоречат действующему законодательству, что право на выход участника из общества может быть разрешено исключительно одним корпоративным документом — уставом, следовательно, не может регулироваться иными соглашениями участников общества, в том числе и договором об осуществлении прав участников. Кроме того, согласно материалам дела, при подписании спорного договора истец не выражал своего несогласия с его условиями, в том числе и оспариваемыми, а также отсутствовали доказательства ограничения истца в возможности повлиять на содержание договора. Исходя из данных положений, суд пришёл к выводу, что заключённый договор не нарушает прав истца.

Обращаясь к природе корпоративного договора, В. К. Андреев заметил, что данный документ следует выделять из массива внутренних документов корпорации, целью которых является регулирование корпоративных отношений, так как он «устанавливает порядок осуществления принадлежащих участникам корпоративных прав, который адресован не всем участникам общества, а только тем, кто заключил такой договор» [11]. Также акцент на особую роль данного документа в корпоративном управлении делает и И. С. Шиткина, отмечая, что он «не является ни источником корпоративного права, ни учредительным документом, но в рамках действующего законодательства является основанием возникновения прав и обязанностей участников хозяйственного общества» [12]. Кроме того, исходя из природы содержащихся в нём положений, в случае заключения такого договора всеми участниками ООО, он, по сути, может выступать в роли устава. Однако такая возможность является теоретической, так как действующее законодательство устанавливает только один учредительный документ для ООО — его устав.

Таким образом, резюмируя приведённые выше точки зрения научных деятелей и анализируя практику применения законодательства, можно говорить

о превалирующем значении положений корпоративного договора над положениями устава, что в значительной

степени уменьшает значение последнего как предусмотренного единственного учредительного документа ООО.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в ред. от 09.01.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Андреев В. К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. N 3. С. 4–10.
4. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 25.06.2015 по делу N А60–12804/2015 (с последующими судебными актами) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 670-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140.
7. «Рекомендации Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа» // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2015. № 3.
8. Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Х. И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. 22–69.
9. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: моногр. М.: Проспект, 2015. 240 с.
10. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2010 по делу № А40–140918/09–132–894 (с последующими судебными актами) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Андреев В. К. По поводу одной статьи, претендующей на правильное восприятие новых положений ГК РФ о корпоративных отношениях // Юрист. 2016. № 9. С. 33–38.
12. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

Реализация положений доктрины «снятия корпоративной вуали» в зарубежных странах

Танасейчук Яна Валерьевна, студент

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Статья раскрывает сущность доктрины «снятия корпоративной вуали». В ней представлен процесс реализации положений доктрины в зарубежных странах: США и Германии, а также приведены примеры из американской и немецкой судебной практики.

Ключевые слова: США, доктрина «снятие корпоративной вуали», «альтер-эго» компании, Германия, Карстен Альтинг, *US v. Milwaukee Refrigerator Transit Co*

В Гражданском кодексе РФ определяется ответственность юридического лица по своим обязательствам и ответственность других лиц, в том числе и участников этого юридического лица, является общим правилом регулирования гражданских отношений.

Однако в законодательствах многих зарубежных стран закреплены более эффективные способы восстановления нарушенного баланса интересов самого юридического лица и его кредиторов, нежели те, которые есть в нашей стране.

«В странах англосаксонской системы права существует доктрина судебного происхождения, известная как «снятие корпоративной вуали» (piercing/lifting the

corporate veil), предусматривающая возможность возложения, в определенных ситуациях, ответственности по обязательствам компании непосредственно на контролирующих ее лиц. Встречаются и другие переводы этого термина: «прокалывание корпоративной завесы», «проникновение под корпоративный покров» или даже «срывание корпоративной маски» [1].

В российском законодательстве, как, впрочем, и других странах романо-германской правовой семьи понятие «снятие корпоративной вуали» нет. Однако на протяжении длительного периода времени ведутся дискуссии о принятии подобной доктрины на уровне законодательства или судебной практики.

Для систематизации российского законодательства и правоприменительной практики, представляется целесообразным изучение опыта зарубежных стран в области применения указанной доктрины.

Доктрина получила наибольшее развитие в США. В Соединенных Штатах Америки корпоративное, договорное, деликтное и уголовное право относятся в основном к ведению отдельных штатов (только некоторые вопросы этих отраслей права регулируются федеральным законодательством) [2].

В связи с этим применение положения доктрины может различаться в зависимости от штата. В одних штатах указанная доктрина применяется достаточно широко [3], а в других — не применяется вообще (федеральное общее право).

Американские компании являются отдельными юридическими лицами, в которых её участники не отвечают по обязательствам этой корпорации, но суды США в определенных обстоятельствах могут «снять корпоративную вуаль».

Первым судебным актом, в котором более или менее прослеживается идея сегодняшней доктрины, стало решение федерального окружного суд штата Висконсин в деле *US v. Milwaukee Refrigerator Transit Co*, датированное 1905 годом.

«Корпорацию, по общему правилу и пока нет достаточных причин для обратного, следует рассматривать как [отдельное] юридическое лицо, но когда понятие юридического лица используется для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия обмана, оправдания преступления, то право должно расценивать корпорацию как ассоциацию лиц» [4] — говорил судья Сенборна.

Получается, что в перечисленных случаях корпорация теряет статус единого субъекта для целей рассмотрения спора.

Сам же термин «снятие корпоративной вуали» получил массовое распространение после опубликование статьей Мориса Уормсера в журнале *Columbia Law Review* [5] (1912 г.). Автор выступал за «снятие корпоративной вуали» в тех случаях, когда корпорация выступает лишь «альтер-эго» своих же акционеров.

Развивая тему доктрины, на мой взгляд, рациональней было бы изучить прецедентное право, сложившееся на основании ее применения, а не положения писаных законов, отметив только тот факт, что возможность «снятия корпоративной вуали» предусмотрена в праве некоторых штатов.

Терминология в разных судебных решениях может существенно отличаться. В апелляционном определении США по Пятому округу от 2006 года судья Риза Барксдейл представила малый обзор судебной практики по этой проблеме.

В данном обзоре отмечено следующее: «Различные теории для снятия корпоративной вуали были созданы для отказа в признании существования отдельного юридического лица в ситуациях, когда этого требует справедливость: если владельцы злоупотребляют (*misuse*) корпоративной формой, или создали [корпорацию] для целей

обмана или для совершения противозаконного деяния. Еще одно исключение [из принципа отдельной правосубъектности корпорации] возникает, если материнская компания полностью доминирует и контролирует дочернюю компанию, управляя ею как своим инструментом (*conduit*) или агентом. Доктрина альтер эго и снятие корпоративной вуали являются действительно исключительными доктринами, применяемыми лишь в тех случаях, когда должностные лица, директора или акционеры используют юридическое лицо как прикрытие для совершения обмана, ухода от личной ответственности, либо в других, действительно уникальных ситуациях» [6].

Как мы видим, из представленного отрывка, американские суды и судьи не имеют ничего против такого выражения как «злоупотребление корпоративной формой». Однако некоторые судьи просто не разграничивают «снятие корпоративной вуали» и переход ответственности по обязательствам к «агенту-принципалу».

Следует отметить, что сама доктрина «снятия корпоративной вуали» не является основанием иска. Скорее всего, её следует рассматривать как процессуальную меру, позволяющую привлечь в процесс нового ответчика.

Исторически доктрина развилась из положений «права справедливости», которое начало развиваться с 15 века, как средство против несправедливости.

Как «право справедливости», так и доктрина «снятия корпоративной вуали» явления, довольно, оценочные [7. С. 32—35].

В итоге, суд самостоятельно решит, выступала та или иная корпорация в качестве «фасада» своего владельца или нет. Не существует какого-то единого подхода, каждый случай рассматривается индивидуально, исходя из принципа справедливости. Но судам следует сразу определить, какие именно факты и обстоятельства подлежат доказыванию по конкретному делу.

Практика некоторых судов допускает их разделение на два списка:

1. Список «элементов».

Если факт или обстоятельства включаются в этот список, то тогда каждый из них подлежит обязательному доказыванию.

2. Список «фактов».

Если факт или обстоятельства включаются в этот список, то необязательно доказывать все факторы, но необходимо учитывать их в совокупности.

Например, в Апелляционном определении США по Девятому округу по делу *Hambleton Bros. Lumber Co. v. Balkin Enterprises* [8] и в Апелляционном определении Индианы. *Brant v. Krilich* [9] были представлены следующие элементы:

- доказать факт «доминирования на рынке»;
- установить факт неправомерного поведения, которое причинило вред истцу.

В деле «*Hambleton Bros. Lumber Co. v. Balkin Enterprises*» суд указывает на необходимость установления следующих факторов:

- используются ли средства корпорации в личных целях, а не корпоративных;
- соблюдается ли корпоративная форма организации;

— имеется ли у корпорации достаточно своего капитала и другие факторы.

В качестве иллюстрации применения доктрины, приведем следующий пример.

Перед тем как перейти непосредственно к примеру, следует оговориться, что положения доктрины «снятия корпоративной вуали» могут применяться не только к простым юридическим лицам, но и к целым государствам.

В деле *Bridas v. Government of Turkmenistan* суд применил положения доктрины «снятия корпоративной вуали», возложив ответственность по долгам организации, на правительство Туркменистана, осуществляющее ее контроль.

Дело состояло в следующем.

«Одна из аргентинских компаний, желая освоить нефтегазовые месторождения в Туркменистане, заключила договор о сотрудничестве с туркменской компанией, которая создана и контролируется государством. Минусом соглашения оказалась арбитражная оговорка, согласно которой договор был подчинён праву Англии, однако само государство не подписывало данный договор. Сотрудничество двух государств было недолгим и составило все два года после заключения договора в силу того, что Туркмения издала запрет Аргентине экспортировать сырьё.

Аргентинская компания подала иск в международный коммерческий арбитраж против государственной компании и правительства Туркменистана. Судом иск был принят к производству и удовлетворен, с присуждением истцу 495 млн.долларов.

В силу того, что Туркмения была не согласна, с вынесенным решением, дело было передано в федеральный суд США. Аргентинская компания настаивал на праве судиться с Туркменией на основании договора, который был заключен с подконтрольной организацией, в силу реализации положений доктрины «снятия корпоративной вуали».

Федеральный суд США согласился с истцом, и признал Туркмению стороной в договоре, что также снимало вопрос об иммунитете государства» [10].

Данный пример ярко демонстрирует действие доктрины «снятия корпоративной вуали» на уровне государств.

Вторая страна, которую хотелось бы затронуть, — Германия.

Немецкая правовая система коренным образом отличается от имеющейся в Соединённых Штатах Америки. Подход немецких судов к рассмотрению дела основан, прежде всего, на использовании законов, а не на практике судов.

Действующее немецкое законодательство в сфере предпринимательского права, содержит положения, касающиеся привлечения участников корпорации к ответственности.

В Германии существуют правило, в соответствии с которым ответственность по обязательствам юридического лица, в некоторых случаях, будет возлагаться на её участников.

«Durchgriffshaftung» — немецкий вариант названия доктрины «снятия корпоративной вуали», отличающийся в своих положениях от практики США.

Если в США и странах англо-саксонской правовой семьи положения доктрины применяются на основании прецедентов, то в Германии суды прокалывают «вуаль», на основании действующего законодательства. При этом следует учитывать, что указанный выше принцип, может применяться в ситуации, когда поведение участника юридического лица становится поводом для привлечения его к ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства.

Например, это ситуация, когда лицо-участник корпорации, заключает сделку от своего имени, а не от имени компании и, учитывая все обстоятельства, нельзя однозначно сказать действовало ли это лицо в интересах компании или нет.

Все подобные случаи, прямо предусмотрены немецким законодательством.

Немецкая правовая доктрина в первую очередь разрабатывала теоретическое обоснование для возможности отступления от принципа самостоятельной ответственности юридического лица по своим обязательствам [11].

Известный немецкий исследователь Рольф Серик разработал субъективную теорию злоупотреблений, согласно которой участник общества несет субсидиарную ответственность по обязательствам юридического лица, только в том случае, если он использовал юридическое лицо в целях злоупотребления, например, чтобы обойти предусмотренные контрактом или уставом обязанности, в результате чего был причинен вред третьим лицам. [12]

Несмотря на разработку подобных теорий и норм, немецкие суды избегают ситуаций их применения. Если оценивать общую тенденцию, то они и вовсе стараются не отступать от принципа самостоятельной ответственности юридического лица.

Американский исследователь Карстен Альтинг, обобщая практику немецких судов, делает вывод о том, что в Германии нет единого подхода к «прокалыванию корпоративной «вуали» и, переходя от дела к делу, используется индивидуальный подход к каждому. Исследователи, которые занимались и занимаются анализом «Durchgriffshaftung», признают, что содержащиеся в ней положения не описывают полноценную правовую доктрину, а завязаны лишь на проблеме индивидуальной ответственности.

В конце 20 века германские суды начали применять положения доктрины не только к акционерным обществам, но и к обществам с ограниченной ответственности. Суды в своих решениях применяли Закон об акционерных обществах по аналогии к обществам с ограниченной ответственности, а именно:

1. Конструктивное понятие «групп де-факто», т. е. доминирующее юридическое лицо, которое оказывает долгосрочное и всеобъемлющее воздействие на подконтрольное ему общество.

2. Положения Закона о возмещении доминирующим предприятием убытков, которые возникли у подконтрольного общества (статья 302 Закона об АО)

Данные положения вытекают из практики Верховного Суда Германии (Bundesgerichtshof, BGH) [13], в, по меньшей мере, двух делах судом был удовлетворен иск к физическим лицам, контролирующим общество. Немецкий суд в своих решениях признал их «доминирующим предприятием» по смыслу Закона об акционерных обществах. При этом иски были поданы не самими подконтрольными обществами, а их кредиторами, поскольку в немецком законодательстве нет положений, которые бы защищали их интересы, в подобных случаях. Следовательно, речь идет «непосредственно» о доктрине «снятия корпоративной вуали», хотя этот термин так и не был использован Верховным Судом.

По прошествии чуть более десяти лет концепция «групп де-факто» вызвала много критики среди практиков, по причине неопределенности данного понятия.

В результате чего в 2000-х годах Верховный Суд Германии отбросил ее, заменив на новую концепцию ответственности за «разрушительное вмешательство» властного лица в дела юридического лица. В виду этого, под «разрушительным вмешательством» понимаются действия участника, которые привели к лишению общества активов или бизнеса, вследствие чего оно теряет возможность исполнять свои обязательства.

Представленная концепция отражена в двух наиболее известных делах под названиями «Bremer Vulkan» [14] (2001 г.) и «KBV» [15] (2002 г.).

Дело «Bremer Vulkan» состояло в следующем.

Судоверфь в Висмаре, входящее в группу акционерного общества Bremer Vulkan AG, в 1994 году получило от государства средства на развитие в рамках инвестиций в восточные земли Германии.

Предоставленные средства должны были пойти на означенные цели, вместо этого, государственные деньги были распределены между малыми компаниями акционерного общества — как, полагали все, на временной основе.

Но в силу возникших финансовых трудностей, которые возникли в обществе, деньги в судоверфь так и не вернулись. В результате судоверфь оказалась на грани краха, и была спасена лишь путем выделения из АО Bremer Vulkan AG и новых финансовых вливаний. Само материнское общество обанкротилось в 1997 году, поскольку так и не справилось с возникшими финансовыми затруднениями.

Государственное ведомство подало иск против директоров материнского общества, требуя от них возмещения ущерба.

Верховный Суд Германии, анализируя возможные способы защиты прав пострадавшего кредитора, сформулировал новый подход к ответственности властного участника, который основан на доктрине «целостности капитала» и «права общества на длительное существование».

Следуя этому подходу, властный участник может быть принужден возместить долг, который понесло общество из-за его «разрушительного вмешательства» в активы.

Помимо этого, суд признал возможность ответственности директоров АО за причиненный их действиями ущерб и направил дело на новое рассмотрение.

Далее положения новой концепции получили свое развитие в деле «KBV».

Истец заключил договор об оказании услуг с ООО KBV GmbH, которое является ответчиком по делу.

Истец выполнил свое обязательство, оказал услуг, но от ответчика оплата так и не поступила. Вместо того, чтобы выполнить свое обязательство по договору, т. е. оплатить оказанную истцом услугу, ответчик заключает договор с какой-то третьей компанией, и переводит значительную часть своих активов. В результате получается, что расплачиваться ООО с истцом просто нечем.

Сделка, которая привела к потере активов, была заключена от имени общества одним из участников, который действовал по доверенности и с согласия второго.

Банкротство не было инициировано, поскольку у ответчика отсутствовали активы.

Истец предъявил иск к обоим участникам общества. Суд возложил на них личную ответственность по долгам компании в связи с тем, что те фактически «разрушили и разграбили» свою же компанию, выведя из неё активы.

Таким образом, мы видим, Верховный Суд Германии отказался от спорной концепции применения к ООО Закона об АО «по аналогии».

Согласно новой концепции, контролирующий общество участник отвечает по долгам этого общества только в том случае, если он совершил «разрушительное вмешательство» в её дела. Например, «вывод активов». Правовое основание этой концепции состоит в ответственности за «злоупотребление корпоративной формой» со стороны участников.

Концепция злоупотребления правом (Rechtsmissbrauch) в Германии основана на двух нормах Германского Гражданского уложения (ГГУ) [16].

Первая норма устанавливает обязанность участников гражданских правоотношений исполнять свои обязанности добросовестно (nach Treu und Glauben) [17], а другая — запрет использования ими своих прав с целью причинения вреда другому лицу (Schikaneverbot). [18] Последствием нарушения этих двух норм, будет являться лишение участников привилегии ограниченной ответственности, т. е. участник будет нести ответственность непосредственно перед кредиторами, только в том случае если само общество не может восстановиться даже путем применения статей 30 и 31 Закона об ООО (возврат участникам средств, полученных из капитала общества).

Альтернативой, в данном случае, может выступать тот самый всеобъемлющий «параграф 826» ГГУ, который Иосиф Покровский назвал в 1917 году «король-параграфов» [19]. Суть его заключалась в возложении ответственности за «умышленное причинение вреда противным добрым нравам образом».

Сформированный в начале двухтысячных годов подход Верховного суда Германии к разрешению споров просуществовал всего несколько лет. Суд снова меняет подход к разрешению споров.

В 2007 г., рассматривая дело «TriHotel», Верховный Суд отказывается от своих сделанных ранее выводов. [20]

Следует отметить, что Верховный Суд Германии полностью не отказался от положений вышеупомянутой концепции, но существенно модернизировал их.

Согласно новой концепции, доктрина больше не является самостоятельным основанием ответственности, а будет лишь одним из деликтов, предусмотренных в Германском гражданском уложении. Следовательно, иск об ответственности за «разрушительное вмешательство» теперь может быть подан совместно с иском о возврате средств в капитал юридического лица.

Получается, что основным отличием новой и старой концепции, по сути, состоит в том, что кредитор не может предъявить иск непосредственно к властному участнику, который совершил действия, свидетельствующие о его «разрушительном вмешательстве» в дела общества. В первую очередь, кредитору нужно добиться удовлетворения своего иска к обществу, и уже потом он может предъявить требования о возврате капитала юридического лица самому участнику.

Альтернативой в этом случае, будет инициация процедуры банкротства общества. В рамках этой процедуры есть возможность взыскать с участника в пользу общества невозвращенные денежные средства. Таким образом, Верховный суд Германии отказался от практики «снятия корпоративной вуали» в случае «разрушительного вмешательства» участника в дела ООО.

Делая вывод, следует сказать, что немецкое правосудие относится к доктрине «снятие корпоративной вуали» достаточно насторожено, и старается её не применять в процессе разрешения дела. Любая попытка

«проколоть вуаль» нарушает основной принцип построения юридического лица, который заключается в том, что общество отделено от своих участников привилегией ограниченной ответственности.

«Прокол» следует применять только в том случае, если другим способом урегулировать спор не представляется возможным. Дело «Trihotel» нам это продемонстрировало. Мы увидели, как дело, которое могло разрешиться с использованием положений доктрины, было рассмотрено совершенно противоположным образом на основании лишь развитого частного и корпоративного права.

В заключение хотелось бы отметить, что доктрина «снятия корпоративной вуали» имеет деструктивный характер для основного принципа построения юридических лиц, который заключается в ограниченной ответственности участников, т. е. они не отвечают по обязательствам общества. Рассмотрев практику применения в США и Германии, можно прийти к выводу о том, что у судов не выработался единый подход к применению положений доктрины, т. е. в какие случаях «корпоративная завеса» будет приподнята, а в каких случаях — нет. Каждое дело решается индивидуально. Но в США, в силу развитого прецедентного права, острой проблемы это не создаёт, но в Германии, в которой дела рассматриваются на основании законов, такая кардинальная смена курса судебной практики, создает проблему в правоприменении положений доктрины. В силу чего у немецких судов просто нет желания её применять, что подталкивает немецкого законодателя к развитию законов.

Литература:

1. С.Л. Будылин, Ю.Л. Иванец «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». N 7, июль 2013 г.
2. American Jurisprudence, Second Edition. Updated to 2013. WestLaw online edition. («Am. Jur. 2d»).
3. Нью-Йорк, Калифорния, Делавэр
4. Circuit Court, E. D. Wisconsin. UNITED STATES v. MILWAUKEE REFRIGERATOR TRANSIT CO. et al. December 28, 1905. URL: <https://ru.scribd.com/doc/209939185/Us-v-Milwaukee> (дата посещения: 16.03.2018 г.).
5. Wormser M. Piercing the Veil of Corporate Entity // Columbia Law Review 1912. Vol. 12. P. 496–518. URL: <http://columbialawreview.org/> (дата посещения: 16.03.2018 г.).
6. Апелляционный Суд США по Пятому округу. Subway Equipment Leasing Corp. v. Sims, 994 F.2d 210, 217–218 (5th Cir. 2006).
7. Будылин С.Л. Исторические корни договорного права США // Международное публичное и частное право. 2009. № 4. С. 32–35.
8. Апелляционный суд США по Девятому округу. Hambleton Bros. Lumber Co. v. Balkin Enterprises, Inc., 397 F.3d 1217 (9th Cir. 2005)
9. Апелляционный суд Индианы. Brant v. Krilich, 835 N. E.2d 582
10. Апелляционный суд США по Пятому округу. Bridas S. A. P. I.C. v. Government of Turkmenistan, 447 F.3d 411 (5th Cir. 2006).
11. Alting C. Piercing the corporate veil in German and American law — Liability of individuals and entities: a comparative view (1994–1995) 2 Tulsa Journal Comparative & International Law. P. 198.
12. Serick R. (Rolf). Rechtsform und Realitat juristischer Personen: Ein rechtsvergleichender Beitrag zur Frage des Durchgriffs auf die Personen oder Gegenstande hinter der juristischen Person / R. Serick. — 2, unverand. Aufl. Tubingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1980.
13. Верховный суд Германии. BGH, 05.06.1975 — II ZR 23/74, BGHZ 65, 15 («ITT»); BGH, 05.02.1979 — II ZR 210/7, NJW 1980, 231 («Gervais/Danone»); BGH, 16.09.1985 — II ZR 275/84, BGHZ 95, 330 («Autokran»); BGH, 20.02.1989 — II ZR 167/88, BGHZ 107, 7 («Tiefbau»); BGH, 23.09.1991 — II ZR 135/90, BGHZ 115, 187 («Video»); BGH, 29.03.1993 — II ZR 265/91, BGHZ 122, 123 («TBB»).

14. Верховный Суд Германии. BGH, 17.09.2001 — II ZR 178/99, BGHZ 149, 10 («Bremer Vulkan»).
15. Верховный Суд Германии. BGH, 24.06.2002 — II ZR 300/00, BGHZ 151, 181 («KBV»).
16. Bürgerliches Gesetzbuch («BGB»).
17. BGB § 242.
18. BGB § 226.
19. BGB § 826.
20. Верховный суд Германии. BGH, 16.07.2007 — II ZR 3/04, BGHZ 173, 246 («TriHotel»)

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Осуществление и охрана личных неимущественных прав автора произведений науки, литературы и искусства после его смерти

Вострикова Виктория Александровна, магистрант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Надпись на куполе здания штаб-квартиры Всемирной организации интеллектуальной собственности в Женеве гласит:

«Человеческий гений является источником всех произведений искусства и изобретений. Долг государства — обеспечить надежную их охрану».

Учитывая, что в современном обществе, где происходит активное внедрение цифровых технологий в жизнь, информатизация и компьютеризация, развитие социальных и иных сетей, в то время как понятие «творчество» претерпевает постоянные изменения с развитием общественных отношений, охрана объектов интеллектуальной деятельности оказывается под большей угрозой, чем ранее и требует более всестороннего и масштабного правового регулирования. Так как имущественные права основываются на личных неимущественных и последние дают им почву для получения соответствующего профита, они нуждаются в не менее детальном правовом закреплении.

Личные неимущественные права автора, как то: право на имя, право авторства, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения, право на отзыв направлены на обеспечение защиты нематериальных интересов автора. Личные неимущественные права автора произведений науки, литературы и искусства имеют в отличие от имущественных прав непередаваемый и неотчуждаемый характер, они не переходят по наследству. Они охраняются бессрочно, даже в случае истечения срока действия исключительных прав и могут быть защищены после смерти автора его наследниками. При этом неважно, были ли передано исключительное право на них третьим лицам или нет.

В данной статье будет освещаться вопрос защиты личных неимущественных прав автора произведений науки, литературы и искусства после его смерти и осуществление его прав третьими лицами. Личные неимущественные права являются абсолютными правами, принадлежат автору независимо от его имущественных прав и сохраняются за ним в случае уступки исключительных прав на использование произведения.

Согласно пункту 1 статьи 1267 Гражданского кодекса Российской Федерации авторство, имя автора

и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно. Законом закреплено право автора указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти. Это лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. При отсутствии таких указаний или в случае отказа назначенного автором лица от исполнения соответствующих полномочий, а также после смерти этого лица охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами. На наш взгляд, вопрос о множественности субъектов охраны и осуществления прав автора произведений науки, литературы и искусства, может вызвать на практике затруднительные правовые опусы, так как между данными субъектами возможны споры относительно охраны неприкосновенности произведения. Представляется также неясным круг заинтересованных лиц, оговоренных данной нормой. Могут ли это быть друзья автора или правообладатели, причем, как известно, последние имеют имущественный интерес относительно использования произведения, заключающийся в потребности получить от него определённый доход, и потому они могут пытаться получить его как можно быстрее, внося корректировки и различного рода изменения в целостность произведения, такие как, например, издание сокращённых детективов. В этом случае нарушается право автора на неприкосновенность произведения, так как в соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 1266 лицо, обладающее исключительным правом на произведение при использовании произведения после смерти автора, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается целостность произведения и это не противоречит воле автора, определённо выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме. Поскольку указанные возможные субъекты осуществления прав автора произведений науки, литературы и искусства имеют разный взгляд на его охрану, между ними возможны споры. Авторские права переходят к наследникам в бездолевом порядке (авторские права наследуются как единое целое,

их нельзя ни выделить, ни разделить). Распорядиться произведением наследники смогут только по взаимному согласию. В случае возникновения спора между наследниками по поводу распоряжения произведением, он подлежит разрешению судом. Право на получение авторского вознаграждения, переходит по наследству и может быть разделено между наследниками в пропорциях, указанных в завещании, либо в соответствии с соглашением самих наследников.

Завещатель также вправе указать доли наследников. Определение долей прежде всего направлено на перераспределение доходов, которые будут получены от использования авторских прав, на что прямо указывает Верховный Суд РФ в своём постановлении Пленума от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при разрешении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» п. 31.

Относительно срока охраны личных неимущественных прав автора, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений устанавливает, что признанные ею личные неимущественные права автора сохраняют силу после его смерти, по крайней мере, до прекращения срока действия его имущественных прав, и осуществляются лицами или учреждениями, уполномоченными на это законодательством страны, в которой истребуется охрана (п. 2 ст. 6). Содержащееся в приведенной норме права выражение «по крайней мере» подчеркивает, что устанавливаемый Бернской конвенцией срок действия личных неимущественных прав — это минимальный стандарт, который должны обеспечить все участники данного соглашения [4, с. 331]. Срок охраны литературных и художественных произведений автора после его смерти, в соответствии с Бернской конвенцией составляет 50 лет. Данный срок исчисляется со дня смерти автора, но отсчёт всегда начинается с 1 января года, следующего за годом смерти. [1, ст. 7]. Следует отметить, что исключительное право на произведение действует, в соответствии с п. 1 ст. 1281 Гражданского кодекса Российской Федерации, в течение всей жизни автора и 70 лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. [2, ст. 1281].

Право авторства, являясь личным неимущественным правом автора, поскольку не имеет материальной основы, т. к. представляет собой право признаваться автором произведения науки, литературы и искусства и требовать признания данного факта от других лиц, характеризуется бессрочным характером действия, поскольку охраняется законом от посягательств при жизни автора как субъективное право, и после смерти автора в качестве общественного интереса.

Право автора на имя представляет собой право использовать произведение с указанием своего имени, псевдонима или анонимно, т. е. без указания. Право на имя и право авторства напрямую взаимосвязаны. В случае нарушения права на имя защита этого личного неимущественного права осуществляется в судебном

порядке одновременно с защитой права авторства [3, с. 46.].

Право на неприкосновенность произведения действует независимо от исключительного права, то есть право использовать произведение любым незапрещённым законом способом, и представляет собой запрет на внесение в произведение автора каких-либо изменений, сокращений и дополнений, пояснений, комментариев, иллюстраций. Важным моментом является то, что согласно абзацу 2 пункта 1 статьи 1265, лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение изменений, дополнений или пояснений при условии, что этим не искажается смысл автора и это не противоречит воле автора, выражено в письменной форме. Но здесь может возникнуть ситуация в отсутствие объективно выраженной воли автора по этому поводу, и правообладатель может сам вносить изменения в произведение, извращающие задумку автора, и в этом случае необходимо внести уточнение в абзац пункта 1 статьи 1266, касающийся запрета на внесение каких-либо поправок или корректировок со стороны новоявленного обладателя исключительного права на произведение науки, литературы и искусства, так как в данном варианте данная трактовка права на неприкосновенность произведения противоречит самому смыслу данного права. Ведь право на неприкосновенность произведения заключает в себе защиту от каких-либо посягательств не только на замысел автора и целостность восприятия произведения, но и на его полное изложение в первоначальном авторском варианте. В доказательство, приведём мнение Р.И. Ситдиковой, которая отмечает, что «право на неприкосновенность относится к важнейшим личным правам автора на произведение, оно закреплено в п. 1 ст. 1266 ГК РФ и означает право на целостность произведения и защиту его от разного рода искажений. То есть не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями. Это право автора требовать использования произведения только в том виде, в котором он представил его для всеобщего пользования. В п. 2 ст. 1266 специально подчеркивается, что извращение, искажение или иное изменение произведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательство на такие действия, дают автору право требовать защиты его чести, достоинства или деловой репутации в соответствии с правилами ст. 152 Гражданского кодекса» [5, с. 2].

Так как данное личное неимущественное право изначально принадлежит автору, и при его жизни может охранять его он сам, то в соответствии с пунктом 2 статьи 1267 охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после его смерти должна осуществляться наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами.

Литература:

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09. 1886 г. (ред. от 28.09. 1979 г.). — п. 5 ст. 7. — п. 2 ст. 6
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018)
3. П. В. Крашенинников. Авторские и смежные с ними права. Постатейный комментарий глав 70 и 71 Гражданского кодекса Российской Федерации — М.: Статут, 2010—208 с.
4. А. Г. Матвеев. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства. Учебное пособие. Перм. гос. нац. исслед. университет. — Пермь, 2015—444 с.
5. Ситдикова Р. И. Добросовестность при охране личных авторских прав // Законы России: опыт, анализ, практика // 2010 № 9 С. 2 Цитируется по СПС КонсультантПлюс.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Участие иностранного элемента в брачно-семейных правоотношениях

Джумагазиева Гульнара Сарсенбаевна, кандидат юридических наук, доцент;

Гумбаталиева Айгун Худу Кызы, магистрант

Астраханский государственный университет

В последнее время бракосочетанием с иностранными элементами вряд ли можно кого-то удивить. Ежегодно количество желающих связать свою судьбу с иностранными гражданами на территории Российской Федерации неуклонно растет, и цифра эта за последние годы увеличилась практически вдвое. Но все это только статистика. На самом же деле, когда необходимо закрепить отношения официально, возникает масса вопросов.

Брак с иностранными гражданами относится к семейным отношениям с иностранным элементом. Термин «иностраный элемент» определен в п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Данная норма предусматривает применение права к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей.

Также в качестве иностранного элемента может выступать то обстоятельство, что юридический факт, с которым связано возникновение, изменение или прекращение отношения, имел место за границей.

К сожалению, трудно затронуть все моменты, касающиеся интернационального брака, ведь каждое государство выдвигает свои правовые требования.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» иностранными гражданами являются лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации, и имеющие гражданство (подданство) иностранного государства. [2, С. 110].

Принадлежность к гражданству другого государства подтверждается соответствующим документом (как правило, национальным паспортом).

В соответствии со ст. 62 Конституции Российской Федерации установлена возможность приобретения двойного гражданства (гражданин Российской Федерации одновременно является иностранным гражданином) Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не ущемляет его права и свободы и не освобождает от обязанностей, вытекающих из гражданства Российской Федерации. [3].

Лицо без гражданства — это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательства наличия гражданства иностранного государства.

В Семейном кодексе Российской Федерации не содержится специальной нормы о правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации в семейном законодательстве. Это объясняется тем, что их правовое положение определено Конституцией Российской Федерации. Действие Конституции Российской Федерации и федерального законодательства распространяется не только на граждан Российской Федерации, но и на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

В соответствии с п. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации национальным режимом в семейных отношениях. Они обладают такой же правоспособностью и дееспособностью в семейных отношениях, как и граждане Российской Федерации (то есть могут вступать в брак, расторгать брак, иметь родительские права и обязанности) [4].

Таким образом, помимо субъектов необходимость определения подлежащего применению права связывается также с местом жительства граждан или с местом заключения брака. Так, в отдельных статьях речь идет о супругах — гражданах Российской Федерации, проживающих за границей или заключающих брак за пределами территории Российской Федерации. Таким образом, иностранцы на территории Российской Федерации могут заключать браки между собой не только на общих основаниях в органах записи актов гражданского состояния, но и в посольствах или консульствах соответствующих иностранных государств и по законам этих государств. В этом последнем случае браки на территории Российской Федерации признаются на условиях взаимности действительными, если эти лица в момент вступления в брак являлись гражданами государства, назначившего посла или консула. Браки граждан Российской Федерации с иностранными гражданами, заключенные

на территории Российской Федерации в иностранном дипломатическом представительстве (посольстве, консульстве), юридической силы не имеют. [5, С.134].

Браки граждан Российской Федерации с иностранными гражданами могут заключаться не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами.

На территории Российской Федерации признается действительным заключенный за пределами территории Российской Федерации брак иностранного гражданина во всех случаях, когда он признается по одному из законодательств иностранного государства, которое можно было бы применить в данном случае. Следовательно, если брак между иностранцами действителен по закону места его совершения либо по личному закону супругов, то он должен быть признан действительным и в Российской Федерации. Брак, который заключен на территории иного государства, может быть в будущем признан действительным и в Российской Федерации только в том случае, если при его регистрации не было препятствующих обстоятельств, с точки зрения Российского законодательства, о которых упоминалось выше.

Свидетельство о браке в Российской Федерации будет признано действительным, если есть его легализация. Для этого понадобится в государстве, в котором был выдан данный документ проставить апостиль.

Апостиль — это специальный знак, проставляющийся на официальных документах некоммерческого характера, исходящих от учреждений и организаций стран-участниц Гаагской конвенции об отмене требований легализации иностранных официальных документов. Апостиль могут проставлять органы записи актов гражданского состояния субъектов Российской Федерации на официальные документы о государственной регистрации актов гражданского состояния. При этом законом уточняется, что если заявитель в течение трех месяцев со дня направления ему соответствующих реквизитов не представляет органу записи актов гражданского состояния платежное поручение, запрашиваемые документы оформляются и высылаются без проставления апостиля. В случае регистрации брака за рубежом, в зависимости от страны, а в некоторых случаях, даже в зависимости от города, возможны некоторые отличия от приведённого списка.

После чего сделать перевод на русский язык свидетельства о браке и заверить его у консула или нотариуса. Консульство Российской Федерации заверяет и осуществляет переводы лишь уже легализованных документов. [6].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2003 № 146-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 03.12.2001 № 49. Ст. 1186.
2. Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право. //Правоведение. — 1999. — № 3. — С. 105–120
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 03.06.2002 № 22. Ст. 3.
4. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 26.01.2009 № 4. Ст. 62.
5. Кравцова Л. Н. Семейное право. Ростов-на-Дону, Феникс, 2010. С. 134.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 01.01.1996 № 1. Ст. 14.

Нормы иностранного семейного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации. В этом случае применяется законодательство Российской Федерации. Незнание законов не освобождает от ответственности. А вот знание законов нередко помогает найти лазейки, которые позволяют осуществить задуманное. Закон, который регулирует брачно-семейные отношения граждан Российской Федерации с иностранцем, весьма либерален. В Семейном кодексе Российской Федерации, начиная со статьи 156 и заканчивая статьёй 167, чётко указаны принципы, требования и основные правила сочетания брака граждан Российской Федерации и иностранцев. Семейный кодекс ставит нормы международного законодательства выше законов Российской Федерации. В некоторых случаях, например, при требовании достижения брачного возраста иностранцем, границы, очерченные нашими нормами законодательства по отношению к иностранцу, становятся весьма условными. Однако закон чётко разграничивает разницу между юридически закреплённым браком, заключенным в органах записи гражданского состояния, и браком, заключенным в церкви. Даже если в стране проживания одного из супругов церковный брак является единственным легальным средством скрепить отношения, то такой брак в нашей стране не будет признан действительным. На основе подобных противоречий и возникают правовые коллизии.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что область семейных отношений в наименьшей степени подверглась унификации в силу того, что эти отношения наиболее тесным образом связаны с историческими и религиозными особенностями развития, национальными и культурными традициями народа каждого государства. При регулировании семейных отношений с иностранным элементом преобладает коллизионный метод.

Возникновение коллизий в сфере брачно-семейных отношений вызвано несогласованностью норм семейного законодательства разных государств. Сложность их правового регулирования заключается в том, что семейные отношения с участием иностранных граждан связаны с двумя, а иногда и с несколькими государствами и, соответственно, с двумя или несколькими правовыми системами, часто по-разному решающими вопросы брака и семьи.

О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений

Митрясова Ангелина Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Понятие брака на сегодняшний день юридически не определено. В научной литературе наиболее распространённым является следующий подход, понимающий под браком свободный, добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, основанный на чувствах взаимной любви и уважения, заключаемый в органах записи актов гражданского состояния для создания семьи и порождающий взаимные права и обязанности супругов [5, с. 694].

Действующий Семейный кодекс РФ не содержит термина «фактический брак». Согласно ч. 1 ст. 10 Семейного кодекса «Брак заключается в органах записи актов гражданского состояния» [1]. Следовательно, фактические брачные отношения выпадают из правового поля, что порождает определённые проблемы. В первую очередь, имущественные права и обязанности фактических супругов на деле оказываются ничем не обеспеченными. Все имущественные споры сожительствующих друг с другом мужчины и женщины разрешаются на основе норм гражданского права. Только интересы детей, родившихся в фактическом браке, подлежат защите нормами Семейного кодекса РФ [1]. Имущество фактических супругов является долевой собственностью, а не совместной, как в случае законного брака. Для получения своей доли сожитель должен: доказать факт и размер вложения в приобретение или изготовление вещи (ведение домашнего хозяйства не учитывается); доказать факт приобретения имущества на средства обоих супругов (или факт их совместной работы).

Другая проблема, вызванная фактическими брачными отношениями, заключается в следующем: фактический супруг не является кормильцем семьи. В случае его гибели невозможно будет оформить пенсию вследствие утраты кормильца. В браке, зарегистрированном в органах загса, долг одного супруга может считаться долгом обоих супругов — в фактических брачных отношениях долг одного из сожителя является исключительно его денежным обязательством, даже несмотря на то, что денежные средства были потрачены на общие нужды семьи. Довольно распространены следующие ситуации, когда, например, после прекращения фактических брачных отношений женщина лишается жилья, а неработающая и воспитывающая ребёнка — средств к существованию. Определённые трудности возникают в том числе в наследственных правоотношениях: если фактический супруг не оставил завещания, то его имущество не будет наследоваться его партнёром и детьми [4, с. 11].

Неурегулированность фактических брачных отношений вызывала и нередко продолжает вызывать другие менее серьёзные проблемы, решение которых, в первую очередь, зависит от поведения конкретных ответственных лиц. Так, ранее фактическим супругам довольно часто

запрещали селиться в одном номере отеля или гостиницы; невозможно было получить информацию медицинского характера о состоянии здоровья больного фактического супруга, а также находиться рядом с ним в медицинском учреждении [4, с. 14].

На современном этапе, количество людей, состоящих в фактических брачных отношениях, продолжает неуклонно расти. Несмотря на юридические проблемы, связанные с сожительством, данный вид брака получает всё большее распространение и общественное признание. В этой связи представляется необходимым рассмотреть аспект законодательного регулирования фактических брачных отношений в зарубежных странах (романо-германской правовой семьи), и на основании этого предложить наиболее оптимальную модель правового регулирования фактического брака в России.

В большинстве стран романо-германской правовой семьи фактическое сожительство узаконено: урегулированы вопросы, связанные с имущественными отношениями фактических супругов, их правовым статусом, воспитанием и содержанием детей [3, с. 65]. Так, в Германии правовые последствия порождает только зарегистрированный брак или гражданское партнёрство (однопольный брачный союз). При этом, суды рассматривают вступление в фактические брачные отношения, как образование общества гражданского права, обладающее особым статусом. Такое общество не является юридическим лицом, но вправе иметь обособленное имущество. Сожители заключают соглашение, которое регулирует их имущественные отношения. Во Франции для признания фактического брака требуется судебное решение. Правовой статус сожителей по сравнению с законными супругами имеет ряд ограничений. Прежде всего, фактические супруги не связаны личными неимущественными обязательствами, не имеют права на общую фамилию. Сожительство не создаёт общего режима имущества, совместной ответственности за долги одного из фактических супругов.

Первым современным государством, узаконившим фактические брачные отношения, стала Швеция. Законодательство признаёт за сожителями право на совместную опеку фактических супругов над детьми друг друга, право не свидетельствовать друг против друга в суде; закрепляет за определённым имуществом сожителей режим совместной собственности (распространяется только на жилище и предметы домашнего обихода). Однако, в отличие от брака, фактические супруги не обязаны материально поддерживать друг друга, не являются законными наследниками, а также им не разрешается усыновление детей [3, с. 66].

В Нидерландах фактические брачные отношения в обязательном порядке должны оформляться письменным

соглашением между сожителями, влекущим определённые правовые последствия. Примечательно, что государство предоставляет широкий перечень гарантий и льгот для фактических супругов, к числу которых относятся: льготное налогообложение, государственное пенсионное обслуживание, доступ к методам искусственного оплодотворения и другие. Однако, в отличие от зарегистрированных браков, сожители не имеют права на общую фамилию, совместный режим собственности, наследование по закону [3, с.68].

Представляется обоснованным, что в России так же необходимо законодательно урегулировать отдельные аспекты фактических брачных отношений, в частности, имущественные отношения фактических супругов, что вызвано объективными потребностями современного общества. При этом появление нового института сожительства не должно умалять значение зарегистрированного брака, создавать какие-либо препятствия для его заключения. Регламентацию данных отношений необходимо начать с законодательного закрепления термина «фактический брак». Здесь стоит подчеркнуть, что ряд учёных-юристов выступают против применения данной формулировки, считая её юридически неверной, поскольку она соединяет в себе противоречивые элементы: брак находится в правовом поле, слово «фактический» предполагает противоположное значение, противопоставляется «законному» браку. В связи с этим в научной литературе можно встретить следующие альтернативные «фактическому браку» формулировки: «внебрачное сожительство», «внебрачная семья», «консенсуальный брак», «фактическое супружество». Невзирая на различные подходы к выбору оптимальной формулировки, все исследователи единодушно признают рассматриваемые отношения [2, с. 55].

Весьма ёмкое определение предлагает Т. В. Краснова, определяя фактическое супружество как незарегистрированный союз проживающих совместно и не состоящих в браке мужчины и женщины, добровольный и равноправный, характеризующийся устойчивостью, наличием

общего хозяйства, взаимной заботы друг о друге [2, с. 56]. Преимуществом данного определения выступает то, что наличие общих детей, совместное воспитание детей, не является обязательным признаком данных отношений. Что особо актуально для случаев состояния фактическом супружестве лиц пожилого возраста, считающих регистрацию брака излишней и стремящиеся оградить имущественные интересы своих детей. Установление юридического факта фактических брачных отношений предлагается возложить на органы судебной власти.

На данный момент имущественные отношения фактических супругов регулируются нормами гражданского права: а именно правилами общей долевой собственности. Опираясь на зарубежный опыт, считаем целесообразным предоставление возможности партнёрам фактического брака заключать соглашения об имуществе, в котором стороны могут договориться об имущественных правах и обязанностях, как в период сожительства, так и на случай его прекращения, определить порядок несения расходов, необходимых для ведения общего хозяйства, установить режим раздельной собственности на имущество, нажитое в период сожительства, а также урегулировать иные имущественные отношения.

Таким образом, отдельные аспекты фактических брачных отношений объективно нуждаются в правовом регулировании, в результате чего это упорядочит имущественные отношения фактических супругов, разрешит другие немаловажные вопросы (например, вопросы, связанные с воспитанием, содержанием детей). Вследствие того, что фактические брачные отношения не порождают семейных отношений, и природа данных отношений не носит ярко-выраженного гражданско-правового характера, считаем возможным урегулировать данные отношения путём принятия отдельного федерального закона [2, с. 57]. Более того, предполагается, что новый институт фактического брака выступит в качестве промежуточного варианта между браком и жизнью без семьи, и в дальнейшем будет способствовать вовлечению молодёжи в семейные отношения.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 — ФЗ: по сост. на 12 мая 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Краснова Т. В. Гражданский брак и фактическое супружество / Т. В. Краснова // Российский юридический журнал. — 2008. — № 3. — С. 53–57.
3. Орловская А. В. Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств / А. В. Орловская // Право и современные государства. — 2012. — № 6. — С. 60–68.
4. Разумова И. А. «Гражданский брак»: понятие, статус, исследования / И. А. Разумова // Труды кольского научного центра РАН. — 2010. — № 2. — С. 9–24.
5. Сухарева А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2003. — С. 694, 695, 514.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Отдельные аспекты применения полиграфа при приеме сотрудников на работу

Курочкин Илья Александрович, студент
Ивановский государственный университет

Статья посвящена вопросам применения полиграфа при приеме сотрудников на работу. Автором исследуются вопросы законности и обоснованности полиграфического исследования.

Ключевые слова: Конституция РФ, трудовой кодекс, законодательство, полиграф, полиграфическое исследование.

Последнее время наметилась положительная тенденция использования полиграфа при приеме сотрудников на работу. Это обусловлено более глубоким изучением принимаемых кандидатов. Установлению их положительных качеств, склонность к деструктивному поведению.

«Полиграф относится к так называемым нетрадиционным методам получения значимой информации. Полиграф в переводе с греческого языка означает «множество записей». Полиграфное устройство (еще называют «детектор лжи») представляет собой многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций: дыхания, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т. п.) [1]».

«Многие кадровые и службы безопасности, при поддержке юридических служб стараются не прибегать к проверкам сотрудников на полиграфе в связи с тем, что до настоящего времени психофизиологические исследования с применением полиграфа прямо не закреплены на законодательном уровне. Правовой статус полиграфа в Российской Федерации, особенно при работе с кадрами, в настоящее время формируется, вместе с тем применением по совокупности нормативных актов не вызывает сомнения в законности [2]».

Применение полиграфа в кадровом делопроизводстве хочу подразделить на следующие пункты:

1. Изучение кандидатов на принимаемых на работу.

В ходе психофизиологического исследования кандидата, устанавливается его склонность к деструктивному поведению, разглашение коммерческой информации, склонности к противоправным деяниям.

2. Изучение работающего персонала.

Под этим пунктом следует понимать, что в ходе данного тестирования мы можем получить информацию надежности того или иного сотрудника, проверить его

по мероприятиям, указанные выше, в п.1. Проведенные мероприятия, положительно повлияют на безопасность предприятия. Мероприятия можно проводить как по ранее разработанному графику, так и внезапно или по инициативе руководителя.

3. Использование полиграфа для проведения внутренних служебных расследований.

Психофизиологическое исследование по данному пункту поможет выявить субъектов конкретных правонарушений. Определить роль каждого из участников правонарушения. Склонить к признанию и отсеять виновных сотрудников.

Теперь рассмотрим вопрос применения полиграфа в трудовых правоотношениях с точки зрения Российского законодательства.

Применение полиграфа строго регламентировано законодательством Российской Федерации. Для проведения тестирования сотрудник должен дать письменное согласие установленного образца. Об этом мы можем найти в ст. 2 и ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которым человек, а также его права и свободы признаются высшей ценностью и их осуществление не может нарушать права и интересы других лиц [3].

Защиту от дискриминации в сфере труда мы видим в ст. 3 Трудового Кодекса РФ (ТК РФ), которая гарантирует защиту от ограничений работникам, устанавливаемых кем-либо в отношении их трудовых прав. Часть 3 ст. 3 ТК РФ гласит, что «не являются ограничением прав работников установление различий, исключений, предпочтений, и иные ограничения трудовых прав работников, ввиду свойственных данной разновидности труда требованиям, установленными федеральным законом [4]».

В настоящее время, в нашем законодательстве нет четкого определения об использовании полиграфа в деятельности коммерческих структур. Применение его основывается на ведомственных актах, регламентах и инструкциях.

В таких случаях работодатель ссылается на статью 8 ТК РФ, в которой говорится, что «Работодатели принимают локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права (далее — локальные нормативные акты), в пределах своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями [4]», и на ст. 70 ТК РФ [4], предоставляющая работодателю право устанавливать работнику испытание при найме на работу, но не закрепляет однозначной формы данного испытания. В связи с этим, в трудовом договоре прописывают применение с применением полиграфа. Подписание работником трудового договора, с вышеуказанным условием, говорит о готовности пройти проверку на «детекторе лжи». Другим подтверждением прохождения полиграфа является подписание дополнительного согласия на психофизиологическое исследование.

Количество проведение проверок оговаривается в трудовом договоре или дополнительном к нему соглашении. Проведение проверок в случаях хищения или других происшествий на производстве подпадает под положения трудового договора, в котором предусматривается право работодателя самостоятельно проводить общие или по выбору проверки работников на полиграфе.

Информация полученная, ходе полиграфического исследования подлежит защите и соблюдению правил их обработки в соответствии с главой 14 ТК РФ (Защита

персональных данных), т. к. данная информация необходима работодателю в связи с трудовыми отношениями и касается работника.

Если в ходе проверки на полиграфе будут выявлены факты сокрытия, искажения работником сведений о себе, которые сотрудник предоставил работодателю при приеме на работу, то трудовой договор с ним может быть прекращен в одностороннем порядке на основании п. 11 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [5] (представления работником работодателю подложных документов при заключении трудового договора). Если будут установлены другие обстоятельства, то виновное лицо увольняется по другим пунктам и частям ст. 81 ТК РФ. Например, разглашения охраняемой законом государственной тайны.

«В гражданском процессе заключение специалиста-полиграфолога является письменным доказательством, содержащим имеющие значения для дела сведения. Правильная организация кадровой работы и разработке необходимой внутренней документации организации, использование полиграфа в кадровой работе в целях проверки вновь принимаемых и действующих сотрудников является законным и осуществляется без противоречий действующему законодательству» [5].

Подводя итог, хочу сказать, что «тестирование с использованием полиграфа не противоречит Конституции РФ и не ущемляет права человека» [5], при правильной организации сотрудниками кадровой аппаратуры мероприятий по разработке необходимой внутренней документации организации.

Литература:

1. Курочкин И. А. Отдельные аспекты применения полиграфа в уголовном процессе // Новый юридический вестник. — 2018. — № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/th/9/archive/84/3201/> (дата обращения: 12.03.2018).
2. Проверка на полиграфе- детекторе лжи, [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://proverka-na-poligrafe.pro/tochnost-vivoda-po-rezultatam/>, (дата обращения 11.03.18).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/>, (дата обращения: 12.03.2018).
4. Трудовой кодекс РФ, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tkodeksrf.ru/>, (дата обращения: 12.03.2018).
5. Андреева Л. А. «О целесообразности и законности применения полиграфа в трудовой деятельности // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам XXXVI международной науч. — практ. конф. № 4 (36). — Новосибирск: СибАК, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/law/xxxvi/37979>, (дата обращения: 11.03.2018).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

О необходимости законодательного разграничения прокурорского надзора за оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью

Рассаднева Дарья Дмитриевна, магистрант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассматривается вопрос о законодательном разделении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия и прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью.

Ключевые слова: прокуратура, органы дознания, прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность.

Прокуратура Российской Федерации — единая централизованная система органов, осуществляющих надзор за исполнением законов на всей территории России. Надзор за органами предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью выделяется в качестве отдельной отрасли надзора в ч.2 ст. 1 и в Главе 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Известно, что в отличие от органов предварительного следствия, полномочия органов дознания повсеместно возлагаются на сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Путаницу в правовом регулировании надзора за этими разными видами деятельности усугубляет то, что законодатель включил надзор за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью в одну отрасль прокурорского надзора. Эти направления надзора включены в одну отрасль необоснованно, так как они различаются по объекту, предмету, субъектам надзора и их полномочиям.

К предмету прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия относится соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальных норм при осуществлении предварительного расследования. В то же время к предмету прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью относится: законность осуществления оперативно-розыскной деятельности и соблюдение прав человека и гражданина при производстве оперативно-розыскных мероприятий. По сути, при надзоре за ОРД прокурор следит за законностью проведения ОРМ, а не надлежащим выполнением процессуальных действий, как при надзоре за расследованием. Кроме того, при надзоре за дознанием прокурор фактически руководит ходом судопроизводства, уполномочен надзирать

за всеми действиями при его осуществлении и иметь доступ к любой информации, чего не скажешь про надзор за осуществлением ОРД, где многие сведения исключаются из предмета надзора.

Различаются эти виды надзора и по объектам. Объектом надзора за предварительным следствием и дознанием являются соответствующие органы и выполняемая ими процессуальная деятельность, тогда как объектом надзора за осуществлением ОРД — органы, осуществляющие ОРД и проводимые ими оперативно-розыскные мероприятия. Следует заметить, что частью 2 ст. 41 УПК РФ не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

Если говорить о субъектах, то надзор за осуществлением ОРД, в соответствии с Приказом Генпрокурора № 33, осуществляют уполномоченные прокуроры, которые несут персональную ответственность за организацию надзора и оформляют допуск к особо важным или секретным сведениям. Субъектами надзора за предварительным следствием и дознанием являются прокуроры, назначенные на эту отрасль надзора, и для организации их деятельности никаких дополнительных правовых процедур не предусмотрено.

В научных кругах по этому поводу ведется дискуссия. Большинство ученых придерживаются точки зрения, что надзор за исполнением законов предварительным следствием и дознанием, и надзор за оперативно-розыскной деятельностью — разные отрасли прокурорского надзора. Так, Серебрянникова М.В. обоснованно отмечает, что «общественные отношения, объединенные в рамках прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, имеют различную правовую основу»

[1, с. 25]. Также она указывает на то, что «несмотря на закрепление в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, в качестве самостоятельной отрасли, в правовую основу каждого ее направления в зависимости от вида деятельности, осуществляемой поднадзорными органами, входит отдельная группа федеральных законов».

Курышов И. С. пишет, что «в связи с тем, что прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью в органах внутренних дел имеет обособленный предмет, специфику выполняемых задач и полномочий прокуроров, данные обстоятельства обуславливают необходимость отнесения прокурорского надзора за исполнением законов оперативными подразделениями органов внутренних дел к самостоятельному направлению деятельности прокуратуры» [2, с. 13]. Мнение Рябова В. Н. заключается в том, что «прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности ... является составной частью такой самостоятельной отрасли прокурорского надзора, как надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Актуально урегулирование данной надзорной деятельности прокуроров Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве самостоятельной отрасли прокурорского надзора» [3, с. 15].

Похожей точки зрения придерживается Никитин В. Л., утверждая, что прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью — отдельная отрасль прокурорского надзора [4, с. 36]. В учебнике прокурорского надзора Осипкина В. Н. также отмечается, что «прокурорский надзор в целом является отраслью права, а прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, во-первых, подотраслью права, во-вторых, особым видом государственной деятельности — отдельной отраслью прокурорского надзора» [5, с. 45].

Сторонником противоположного мнения называют Бессарабова В. Г., который придерживается позиции, что надзор за оперативно-розыскной деятельностью входит в отрасль надзора за законностью деятельности правоохранительных органов и в выделении в отдельную отрасль не нуждается [6, с. 58].

Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, следует отграничивать друг от друга и рассматривать как отдельные отрасли надзорной деятельности, различаемые по таким критериям, как: правовая основа деятельности, полномочия, поднадзорные объекты, предмет и средства прокурорского надзора. Также следует внести изменения в ч. 2 ст. 1 и в главу 3 ФЗ «О прокуратуре РФ», выделив надзор за осуществлением оперативно-розыскной деятельности в отдельную отрасль прокурорского надзора.

Литература:

1. Серебрянникова М. В. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование: дисс. ... канд. юрид. наук / Серебрянникова М. В. — М., 2013, с. 25.
2. Курышов И. С. Прокурорский надзор за исполнением законов субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие в органах внутренних дел / авт. дисс. ... канд. юрид. наук / Курышов И. С. — Рязань, 2005, с. 13.
3. Рябов В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции / авт. дисс. ... канд. юрид. наук / Рябов В. Н. — М. 1999, с. 15.
4. Никитин Е. Л. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: курс лекций для бакалавриата / Е. Л. Никитин, Г. В. Дытченко. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 144 с.
5. Осипкин В. Н. Прокурорский надзор: учебник. М., 2001, 311 с.
6. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор. Учебник для ВУЗов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2007. — 544 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Категории преступлений по российскому уголовному праву

Арестов Валентин Владимирович, студент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Категоризация преступлений — разделения всей совокупности противоправных деяний, предусмотренных особенно частью УК РФ на группы в зависимости от установленных законом критериев. Применение подобном институте в рамках уголовного права обусловлена в необходимости дифференцированного подхода к осуществлению уголовного преследования в отношении лиц, совершивших противоправные деяния имеющие разную степень общественной опасности.

Российское уголовное законодательство имеет исчерпывающий перечень категорий преступлений. Так, в соответствии со ст. 15 УК РФ, выделяют следующие категории преступлений: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления, особо тяжкие преступления. Критериями категоризации преступлений в уголовном законодательстве РФ выступает: характер и степень общественной опасности противоправного деяния. [1, с. 23]

С точки зрения прикладного право применения, данные критерии выражаются в том какую форму вины имеет совершенное противоправное деяние, а также размер максимального срока лишения свободы предусмотренный санкцией соответствующей статьи особенной части УК РФ.

Под «виной» в уголовном праве принято понимать психологическое отношение лица к совершенному им противоправному действию или бездействию, а также к последствию данного противоправного деяния. [2, с. 83] Вина может быть выражена в форме умысла или неосторожности. [1, с. 34]

Преступление признается совершенным умышленно если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления, либо не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. [1, с. 36]

Преступление, совершенное по неосторожности, может быть выражено в форме легкомыслию или небрежности. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований

самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия. [1, с. 37]

Противоправное деяние, совершенное по неосторожности может быть отнесены только к категории преступлений небольшой или средней тяжести. В свою очередь противоправное деяние, совершенное с умыслом, может быть отнесено к любой из категорий.

Лишение свободы вид уголовного наказания, которое заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима, либо в тюрьму, на срок от двух месяцев до двадцати лет. [1, с. 82]

Уголовным законодательством, устанавливаются максимальный и (или) минимальный размер срока лишения свободы для каждой из обозначенных категорий преступлений. Таким образом:

- преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи особенной части уголовным кодексом, не превышает трех лет лишения свободы;
- преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи особенной части уголовным кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи особенной части уголовным кодексом, превышает три года лишения свободы;
- тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи особенной части уголовным

- кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы;
- особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых санкцией соответствующей статьи особенной части уголовного кодекса предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание; [1, с.23]

Беря во внимание вышеизложенное, стоит иметь в виду, что суд, при соблюдении ряда условий, а также учитывая фактические обстоятельства противоправного деяния и степень его общественной опасности, в праве изменить категорию преступления. Законом установлены следующие условия:

- наличии смягчающих наказание обстоятельств;
 - отсутствии отягчающих наказание обстоятельств;
- В свою очередь законом устанавливаются следующие пределы, за границы которых суд не может изменить категорию противоправного деяния:
- изменение можно произвести только на менее тяжкую категорию;
 - не более чем на одну категорию преступления
 - за совершение противоправного деяния, относимой к преступлениям средней тяжести, осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы или другое более мягкое наказание;
 - за совершение противоправного деяния, относимого к тяжким преступлениям, осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание;
 - за совершение противоправного деяния, относимого к особо тяжким преступлениям, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы. [1, с.23]

Подобная категоризация преступлений носит, в первую очередь, практический характер. Так, в соответствии с тем, к какой категории отнесено совершенное противоправное деяние осуществляется решение следующих вопросов:

- определении опасного и особо опасного рецидива [1, с.43];
- ответственности за приготовление к преступлению [1, с.43];
- установление наличия преступного сообщества [1, с.50];
- применении смертной казни [1, с.85];
- выявление и учет обстоятельства, смягчающего наказание; [1, с.89]
- назначении наказания по совокупности преступлений; [1, с.102]
- освобождении от уголовной ответственности; [1, с.116]
- замене неотбытой части наказания более мягким [1, с.130];
- назначении отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей [1, с.136];

- освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда [1, с.141];
- погашение судимости [1, с.146];
- процесс реализации уголовной ответственности и назначении наказания несовершеннолетним. [1, с.150]

Таким образом, институт категоризации преступлений обеспечивает законодателя возможностью гибкого регулирования правоотношений, возникающих в ходе уголовного преследования.

Стоит отметить что разграничение преступлений на категории не ограничивается исключительно отечественным законодательством. Подобная практика находит себе применение в уголовном законодательстве многих зарубежных стран. Учитывая то что Российское национальное право входит в состав так называемой романо-германской правовой семьи, то определенный интерес будет представлять то как категоризация преступлений отображена в уголовном праве прочих стран континентальной Европы, в частности Французской республике.

Уголовный кодекс Франции 1992 г. содержит следующую следующее положение о классификация преступных деяний «Преступные деяния классифицируются в соответствии с их тяжестью на преступления, проступки и нарушения». Таким образом законодатель в качестве критерия использует форму вины и меру наказания. В частности, наказание за преступление не может быть менее 10 лет лишения свободы [3, ст. 131–1], для проступка до 10 лет лишения свободы или иное наказание [3, ст. 131–3], для нарушения штраф или иное наказание [3, ст. 131–12]. Подобная категоризация противоправных деяний, так же, как и в российском законодательстве носит утилитарный характер, в частности влияет на определение сроков давности преступления. [3, ст. 133–2–133–4].

Пронаблюдав определенную тенденциозность применения института категоризации преступлений в контексте уголовного кодекса Франции и России, стоит также отметить что по мимо установленных уголовным законодательством разделения на категории, наука уголовного права РФ имеет и иные критерии для классификации противоправных деяний. Подобными критериями могут выступать: типовой объект преступного посягательства, родового объект преступного посягательства, вид состава преступления, форма вины, и т. д.

Таким образом, категоризация преступлений имеет исключительное значения для правового регулирования общественных отношений возникающих в ходе уголовного преследования, позволяет осуществить дифференциацию уголовной ответственности и соблюдение принципа индивидуализации наказания. Свою роль данный институт также играет и при ведении статистического наблюдения, формируя признаки, на основании которых наблюдатель составляет представление о тенденциозности тех или иных явлений в правоприменительной практике, таким образом способствуя совершенствованию законодательства и оттачиванию юридической техники правоприменителя.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий / Под ред. Есакова Г.А. — 7-е изд. — М.: Проспект, 2017. — 736 с.
2. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. Наумова А.В. — 3-е издание — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 808 с.
3. Уголовный кодекс Франции 1992 г. — Юридическая Россия. Федеральный правовой портал — <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266#text>

О полномочиях прокурора на заключительном этапе предварительного следствия

Белобородова Евгения Сергеевна, магистрант
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье раскрываются цели и задачи процессуальной деятельности прокурора на заключительном этапе предварительного следствия, а также проблемы, связанные с ограничением этих полномочий в связи с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Формулируется необходимость восстановления полномочий прокурора при рассмотрении уголовного дела и утверждении обвинительного заключения.

Ключевые слова: предварительное следствие, заключительная стадия; рассмотрение уголовного дела, полномочия прокурора, обвинительное заключение.

Предварительное следствие — это одна из двух форм предварительного расследования преступлений (наряду с дознанием), которая обязательно производится по подавляющему большинству преступлений.

В соответствии с частью 2 ст. 162 УПК РФ в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу.

Исходя из указанной выше нормы можно сделать вывод о том, что процессуальная деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, имеет место уже после окончания предварительного следствия. Мнения ученых о месте процессуальной деятельности прокурора по рассмотрению итогового документа предварительного расследования в уголовном процессе неоднозначны.

Наряду с предложениями ряда ученых о целесообразности выделения такой деятельности прокурора в самостоятельную стадию досудебного производства, включения в стадию назначения судебного заседания, многие авторы, в частности, С.И. Голова, Э.Н. Алимамедов, Ю.В. Буров, Д.В. Лящев процессуальную деятельность прокурора по рассмотрению поступившего уголовного дела и направлению его в суд относят к этапу окончания предварительного расследования [1, с. 147; 2; 3, с. 60; 4, с. 10].

Предварительное следствие завершается принятием следователем процессуального документа в виде

обвинительного заключения. Материалы уголовного дела с подписанным следователем обвинительным заключением с согласия руководителя следственного органа направляются прокурору (ч.6 ст. 220 УПК РФ).

На основе изучения всех материалов поступившего к нему с обвинительным заключением дела прокурор делает выводы о законности и обоснованности решения следователя о признании следствия законченным, соблюдении требований закона при составлении итогового документа предварительного расследования, полноте и всесторонности проведенного расследования, правильности квалификации действий обвиняемого, соответствии предъявленного обвинения материалам дела, а доказательств — требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности для обоснования выводов следователя. Кроме того, прокурор убеждается в соблюдении прав обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика при ознакомлении с материалами дела.

Утверждая обвинительное заключение, прокурор принимает на себя ответственность за обоснованность предъявленного обвинения, после чего документ приобретает силу юридического акта обвинительной власти.

Кстати сказать, единственная в Уголовно-процессуальном кодексе статья (ст. 221), посвященная действиям прокурора при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением, не содержит вопросов, ориентирующих его на принятие обоснованного и взвешенного процессуального решения.

В связи с чем, невозможно не согласиться с доводом О.Я. Баева, что «... если бы ст. 221 УПК четко определяла

круг вопросов, которые должен проверить прокурор при изучении обвинительного заключения, это сделало бы для него принятие решения о возбуждении государственного обвинения более целеустремленным, а потому и более качественным». Для сравнения О. Я. Баев обращается к УПК РСФСР 1960 г., в котором действиям прокурора при рассмотрении им уголовного дела, были посвящены четыре статьи (ст. 213–216) [5, с. 297–298].

И в ст. 213 содержался достаточно подробный перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором по делу, поступившему с обвинительным заключением:

- 1) имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому, и имеется ли в этом деянии состав преступления;
- 2) нет ли в деле обстоятельств, влекущих прекращение дела;
- 3) произведено ли дознание или предварительное следствие всесторонне, полно и объективно;
- 4) обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами;
- 5) предъявлено ли обвинение по всем установленным дознанием или предварительным следствием преступным деяниям обвиняемого;
- 6) привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые изобличены в совершении преступления;
- 7) правильно ли квалифицировано преступление;
- 8) правильно ли избрана мера пресечения;
- 9) приняты ли меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества;
- 10) выявлены ли причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли меры к их устранению;
- 11) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями настоящего Кодекса;
- 12) соблюдены ли органами дознания или предварительного следствия все иные требования настоящего Кодекса.

Неоправданным считает отказ от данной нормы в новом УПК РФ и Т. Ю. Цапаева [6, с. 100–101], а А. А. Терехин, проведя анкетирование работников органов прокуратуры, судей, следователей и дознавателей, выяснил, что идею о включении вышеуказанной правовой нормы в УПК РФ поддерживают 70,6% опрошенных [7, с. 66].

Полномочия прокурора в досудебной стадии уголовного судопроизводства существенно изменил Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», по сути своей, отстранивший прокурора от участия в предварительном следствии по уголовным делам.

Законодатель лишил прокурора права возбуждать и давать согласие на возбуждение уголовного дела, участвовать в производстве предварительного расследования, в том числе лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия, отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, продлевать срок предварительного следствия, приостанавливать или прекращать производство по уголовному

делу, давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения.

Правда, позднее функции прокурора были несколько расширены, а именно: Федеральным законом от 02.12.2008 N 226-ФЗ ему предоставлена возможность ознакомления с материалами находящегося в производстве уголовного дела по его мотивированному письменному запросу; Федеральным законом от 28.12.2010 N 404-ФЗ — проверки законности решений следователя об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела.

До изменений, внесенных 87-ФЗ, прокурор фактически являлся «... не только руководителем, но и самым активным участником уголовного преследования в досудебном производстве, обладающим самыми широкими полномочиями... Однако в тоже [то же] время, он был обязан осуществлять и прокурорский надзор за производимым уголовным преследованием, в котором, как сказано, в этой стадии судопроизводства он принимал самое активное участие. И гносеологически, и психологически такое «раздвоение», а скорее, сочетание функциональных обязанностей прокурора — и это наглядно показывала многолетняя практика — a priori не могло быть достаточно качественным» [5, с. 293].

По мнению первого заместителя Генерального прокурора — Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ А. И. Бастрыкина, озвученному в декабре 2008 года в интервью газете «Жэньминь жибао»: «В результате проведенной реформы была достигнута основная цель — разделение функции руководства расследованием от функции надзора за расследованием. До сих пор прокуратура соединяла в себе и следствие, и надзор. Прокуратура осуществляла надзор за собственными следственными действиями, что, собственно, и вызывало обоснованное сомнение в ее объективности... Таким образом, реализован основополагающий принцип организации прокурорского надзора в стране, а именно: кто надзирает, тот не расследует. Эти преобразования явились логическим итогом политики четкого определения современного места и роли прокуратуры как надзорной составляющей в системе органов государственной власти» [8].

По прошествии 9 лет, в январе 2018 года, в интервью «Российской газете» Председатель Следственного комитета А. И. Бастрыкин, придерживаясь прежней линии, подтвердил, что «разделение функций прокурорского надзора и предварительного следствия позитивно отразилось на качестве досудебного производства, а также повысило уровень обеспечения прав и законных интересов его участников» [9].

Однозначный отрицательный ответ на вопрос о том, должен ли прокурор осуществлять уголовное преследование на стадии предварительного расследования, дает М. К. Малиненко [10, с. 88].

Напротив, О. Я. Баев убежден, что прокурор должен быть «руководителем и организатором всей системы уголовного преследования» и направлять всю свою деятельность в этом качестве на обеспечение для себя

возможности законного и обоснованного возбуждения государственного обвинения. Надзор, по его мнению, на досудебных стадиях уголовного процесса, надлежит осуществлять суду.

Законодатель же сохранил за прокурором определенные полномочия по надзору за текущей деятельностью субъектов уголовного преследования, отстранив его от практического участия в уголовном преследовании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, «...оставив за прокурором, по сути, принятие лишь одного, но наиболее важного на данном этапе уголовного судопроизводства процессуального решения — возбуждения государственного обвинения по результатам изучения материалов уголовного дела, завершеного в отношении обвиняемого составлением обвинительного заключения» [5, с.293–294].

Таким образом, «осуществление прокурором функции уголовного преследования при производстве предварительного следствия сосредоточилось на этапе рассмотрения уголовного дела, поступившего от следователя с обвинительным заключением, где прокурор реализует исключительно ему принадлежащее право направления уголовного дела в суд, равносильное выдвигению государственного обвинения перед судом...» [11, с.24].

Положение прокурора, усложненное его практической отстраненностью от предварительного следствия с учетом изменившейся его роли в досудебных стадиях производства по уголовному делу, как справедливо отмечает О.Я. Баев, «... еще более чем ранее, актуализирует проблемы качества возбуждения государственного обвинения». [5, с.296].

Если ранее прокурор в большинстве случаев еще до завершения расследования был в целом знаком с доказательственной базой обвинения по надзорным уголовным делам, реализуя предусмотренные законом полномочия, то сейчас полная и всесторонняя оценка деятельности следователя фактически осуществляется им только на стадии рассмотрения уголовного дела с обвинительным заключением.

В целом, разделяя позицию некоторых авторов [10, с.86–87; 11, с.23; 12, с.56; 13], поддерживающих решения законодателя в части освобождения прокурора от процессуального руководства деятельностью органов предварительного следствия, а, следовательно, и от персональной ответственности за качество и результаты расследования в расчете на более объективную и беспристрастную оценку материалов уголовного дела, полученных с обвинительным заключением, считаем объем полномочий прокурора на этой стадии явно недостаточным.

Совершенно очевидно, что для принятия столь ответственного решения при рассмотрении уголовного дела с обвинительным заключением, прокурор должен обладать всеми необходимыми правами, позволяющими компенсировать усеченные полномочия на стадии расследования.

Между тем, достаточность объема полномочий прокурора в процессе утверждения обвинительного заключения как раз вызывает сомнение, поскольку закон от 5 июня

2007 г. № 87-ФЗ существенно ограничил его права, в том числе, и на заключительной стадии предварительного расследования — стадии утверждения обвинительного заключения, лишив его возможности составить новое обвинительное заключение; изменить объем обвинения либо квалифицировать действия обвиняемого по уголовному закону о менее тяжком преступлении; прекратить уголовное дело либо уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых полностью или частично; изменить или отменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого; дополнить и сократить список лиц, подлежащих вызову в суд со стороны обвинения (ст. 221 УПК РФ).

Получается, что в рамках действующего УПК РФ прокурор имеет возможность выразить свое несогласие с обвинением, сформированным следователем, только через возвращение ему уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, то есть, как отмечает Д.А. Сычев, «прокурор по-прежнему способен определять пределы уголовного преследования, но теперь уже не самостоятельно, ... а посредством следователя» [14, с.122].

К тому же, как предусматривает та же ст. 221 УПК РФ, вынесенное прокурором постановление о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков может быть обжаловано им с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору.

Многие авторы, посвящая свои работы вопросам процессуального статуса прокурора, эффективности его деятельности в рамках действующего УПК РФ, в том числе на заключительной стадии предварительного расследования, приходили к убеждению о необходимости вернуть прокурору утраченные им полномочия на стадии рассмотрения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, в частности, в силу следующего.

Так, в соответствии с ч.3 ст. 88 УПК РФ на досудебных стадиях уголовного судопроизводства прокурор вправе признать доказательство недопустимым, в том числе, и по собственной инициативе. Следовательно, доказательство, признанное недопустимым, должно быть исключено из обвинительного заключения. Возникает вполне резонный вопрос: почему бы в случае признания прокурором каких-либо доказательств недопустимыми и исключения их из процессуального документа, составленного следователем по итогам предварительного следствия, не предоставить прокурору право составить новое обвинительное заключение в случае признания оставшихся доказательств достаточными для поддержания государственного обвинения в суде? И только в случае признания их недостаточными, направить уголовное дело для производства дополнительного расследования.

В соответствии с частями 7, 8 ст. 246 УПК РФ в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель может отказаться от обвинения полностью или в части

в случае, если он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, либо изменить обвинение в сторону смягчения.

Таким образом, при наличии указанных полномочий у прокурора в ходе судебного разбирательства, весьма странно выглядит отсутствие у него права изменить объем обвинения либо квалификацию действий обвиняемого по уголовному закону о менее тяжком преступлении либо прекратить уголовное дело (уголовное преследование) при утверждении обвинительного заключения.

К тому же, возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения, а далее возможное обжалование решения прокурора, которое приостанавливает его исполнение (ч.5 ст. 221 УПК РФ), отнюдь не способствуют сокращению сроков предварительного следствия и соблюдению принципа разумности срока уголовного судопроизводства в целом (ст. 6.1 УПК РФ)

Ознакомившись с работами авторов, содержащими приведенные доводы [7, с. 68–70; 11, с. 24–25; 14, с. 122–123; 15, с. 29; 16; 17, с. 158], мы разделяем их точку зрения о необходимости вернуть в УПК РФ полномочия прокурора по самостоятельному определению пределов уголовного преследования на этапе утверждения обвинительного заключения постольку, поскольку законодатель, исходя из изложения статьи 37 действующего УПК РФ, на наш взгляд, придал функции уголовного преследования несколько приоритетное значение по сравнению с надзорной, и в той мере, в какой законодатель не готов на данном этапе отказаться от определяющей ее роли.

Учитывая это, решения законодателя о сокращении полномочий в части уголовного преследования, в том числе на окончательном этапе предварительного следствия, представляются непоследовательными.

С одной стороны, следствие обрело свободу творческой деятельности без оглядки на прокурора, который в любой момент мог вмешаться в стройную систему действий следователя, навязав свое видение решения задачи, и освободилось от неэффективной коллегиальной ответственности, что, безусловно, повышает личную ответственность следователя за полученный результат.

С другой стороны, у прокурора возникает проблема восполнения недополученного объема информации по делу ввиду потери контроля над следствием и упущенных возможностей для производства тех или иных следственных действий для обеспечения должного уровня поддержания обвинения.

Исследуя проблемы процессуальной деятельности прокурора при утверждении им обвинительного заключения еще до нововведений 2007 г. в УПК РФ, существенно ограничивших его полномочия на этапе расследования уголовного дела, Т. Ю. Цапаева пришла к выводу о целесообразности передачи полномочий по составлению обвинительного заключения прокурору. Результаты исследований показали, что при рассмотрении уголовного дела и направлении его в суд прокурор иногда «не только

не обеспечивает установление истины, но и в ряде случаев проходит мимо грубых нарушений закона». Одна из причин — невнимательное прочтение уголовного дела. Проведенный Т. Ю. Цапаевой опрос прокуроров показал, что «... почти 14 % опрошенных знакомятся с материалами дела весьма бегло...». Самостоятельное составление обвинительного заключения обеспечило бы более глубокое, тщательное изучение материалов уголовных дел прокурором и повысило «... ответственность за результаты изучения дела, проверки и оценки имеющихся доказательств» [6, с. 97, 117, 118].

Другое решение относительно составления и утверждения обвинительного заключения предлагает А. М. Багмет. По его мнению, «... с целью исключения нерезультативного двойного контроля за деятельностью следователя», «... исключения волокиты, перенаправления уголовных дел от одного органа к другому назрела необходимость передачи права утверждения обвинительного заключения от прокурора руководителю следственного органа...». Он отмечает, что на практике, как правило, изучает полученное от следователя уголовное дело и утверждает обвинительное заключение один прокурорский работник, обвинение в суде поддерживает другой. Отсюда — нерациональное использование материальных ресурсов и времени. К тому же, прокурор, поддерживающий государственное обвинение, связан мнением руководителя прокуратуры, утвердившего обвинительное заключение [18].

На наш взгляд, точка зрения А. М. Багмета заслуживает внимания. Действительно, при передаче дела из рук в руки существует опасность недооценки, «упущения» важных для разрешения уголовного преследования обстоятельств в силу элементарного человеческого фактора и значительной загруженности работников прокуратуры. Кроме того, как нам представляется, это значительно повысило бы ответственность следователя и руководителя следственного органа за результаты своей работы и способствовало соблюдению принципа разумности сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1. УПК РФ). Разумеется, при сохранении за прокурором, а, возможно, и усилении надзорной функции за предварительным следствием.

Однако, начатая в 2007 году реформа пока не получила своего логического завершения, не утихают споры ученых, дающих самые разные оценки происшедшим преобразованиям. Многие из них ратуют за возвращение прокуратуре всех отнятых у нее полномочий на стадии досудебного производства. Под воздействием их аргументов уже предпринимаются попытки все вернуть на круги своя (проект Федерального закона N 872311–6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве») внесен в Государственную Думу ФС РФ 31.08.2015).

В условиях такой неопределенности, неуверенности в правильности выбранного направления, на наш взгляд, необходимо сегодня усилить позиции прокуратуры именно на заключительной стадии предварительного следствия,

вернув ему возможность составить новое обвинительное заключение, изменить объем обвинения либо квалифицировать действия обвиняемого по уголовному закону о менее тяжком преступлении, прекратить уголовное дело

либо уголовное преследование, чтобы прокурор имел возможность поддерживать обвинение на основе обвинительного заключения, полностью согласующегося с его собственными убеждениями.

Литература:

1. Голова, С. И. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: понятие, сущность, историческая ретроспектива / С. И. Голова // Общество и право. — 2013. — № 4 (46). — С. 143–148).
2. Алимамедов, Э. Н. Понятие этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением / Э. Н. Алимамедов // Юриспруденция. — URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=1244> (дата обращения: 23.02.2018).
2. Буров, Ю. В. О понятии «окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения» / Ю. В. Буров, А. А. Насонов // Закон и право. — 2012. — № 5. — С. 59–61.
3. Лящев, Д. В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д. В. Лящев; Тюмен. юрид. ин-т. — Тюмень, 2007. — 23 с.
4. Баев, О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. Сборник / О. Я. Баев. — М.: ЭКСМО, 2011. — 609 с.
5. Цапаева, Т. Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии / Т. Ю. Цапаева. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. — 140 с.
6. Терёхин А. А. Акты прокурорского реагирования по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом / А. А. Терёхин // Вестник Омского юридического института. — 2012. — № 1 (18). — С. 65–70.
7. Бастрыкин, А. И. Интервью первого заместителя Генерального прокурора — Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ Александра Бастрыкина газете «Жэньминь жибао» 31.12.2008 // Следственный комитет РФ. — URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507312> (дата обращения: 24.02.2018).
8. Бастрыкин, А. И. Причины и следствие / Интервью «Российской газете» 15.01.2018 // Следственный комитет РФ. — URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1195282> (дата обращения: 24.02.2018).
9. Малиненко, М. К. Проблемы обеспечения прокурором надзора за законностью предварительного следствия / М. К. Малиненко // Общественные науки. — 2014. — № 1. — С. 84–89.
10. Шадрин, В. С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве / В. С. Шадрин // КриминалистЪ. — 2015. — № 1 (16). — С. 20–25.
11. Багмет, А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя / А. М. Багмет // Российская юстиция. — 2013. — № 9. — С. 54–56.
12. Боруленков, Ю. П. Прокуратура: расширение полномочий в сфере досудебного уголовного судопроизводства противоречит Конституции РФ / Ю. П. Боруленков // Международная Ассоциация Содействию Правосудию. — URL: <http://www.iuaj.net/node/1916> (дата обращения: 08.03.2018).
13. Сычев, Д. А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью следователя при утверждении обвинительного заключения прокурором / Д. А. Сычев // КриминалистЪ. — 2014. — № 1 (14). — С. 120–123.
14. Буланова, Н. В. Осуществление прокурором уголовного преследования при утверждении обвинительного заключения / Н. В. Буланова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2008. — № 6 (8). — С. 27–29.
15. Грашичева, О. Н. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора на этапе окончания предварительного расследования / О. Н. Грашичева // Отрасли-права. — URL: <http://отрасли-права.рф/article/16669> (дата обращения: 23.02.2018).
16. Ягофаров, С. М. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве / С. М. Ягофаров // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015 — № 3 (178). — С. 153–158.
17. Багмет, А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании / А. М. Багмет // URL: <http://отрасли-права.рф/article/7692> (дата обращения: 25.02.2018).

Проблемы рассмотрения судом жалоб на законность и обоснованность решений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ и пути их решения

Глимейда Виталий Витальевич, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследована проблема правового регулирования порядка рассмотрения судом жалоб в стадии возбуждения уголовного дела. Предложены возможные критерии оценки судом законности и обоснованности решений органов и должностных лиц, обжалуемых в порядке ст. 125 УПК РФ.

Ключевые слова: судебный контроль, возбуждение уголовного дела, обжалование решений органов и должностных лиц, ст. 125 УПК РФ.

Уголовное судопроизводство — это деятельность уполномоченных лиц, затрагивающая наиболее важные права и свободы. Её начальным этапом является стадия возбуждения уголовного дела — она отмеряет начало всего уголовного судопроизводства.

В доктрине уголовного процесса выделяется немало проблем данной стадии, одной из которых, на наш взгляд, является недостаточность правовой регламентации полномочий судов по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Как отмечает К. В. Пронин, судебный контроль на стадии возбуждения уголовного дела представляет собой одно из важнейших средств обеспечения законности уголовного процесса, а также его эффективности [1, с. 71], с чем трудно не согласиться.

Данный вид судебного контроля осуществляется в отношении процессуальных решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении, о передаче сообщения по подследственности, либо в суд по делам частного обвинения.

Практика показывает, что не все сообщения о преступлении являются «перспективными». Это приводит к злоупотреблению правоприменителем правом вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела, что является одной из проблем стадии возбуждения уголовного дела. Так, например, за первое полугодие 2017 года, всего в РФ было зарегистрировано 1201196 сообщений о преступлении [2]. По данным судебного департамента, за 1 полугодие 2017 года из них в суд первой инстанции поступило 466639 дел [3], т. е. около 61 % дел не дошло до судебного рассмотрения, что является следствием активной деятельности уполномоченных органов на стадии возбуждения уголовных дел. Это явление получило широкое освещение в доктрине уголовного процесса. Например, А. П. Кругликов, говоря о роли заявителей, называет последних «бесправными просителями» [4]. Небезынтересно и недавнее заявление пресс службы Генеральной прокуратуры журналистам РБК, как отмечается, за последние 2,5 лет были прекращены 1,5 млн уголовных дел. В надзорном ведомстве одной из причин волокиты считают многократные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [5].

На наш взгляд, данную проблему наиболее полно и всесторонне может разрешать лишь механизм судебного

контроля над обеспечением прав человека и законных интересов. Однако обнаруживается недостаточность его правового регулирования, что является одной из проблем судебного контроля в стадии возбуждения уголовного дела.

В рамках механизма законность и обоснованность вынесения уполномоченными органами и должностными лицами процессуальных решений контролирует суд как более надежный гарант прав личности. Выражается судебный контроль на стадии возбуждения уголовного дела, в первую очередь, в возможности обжалования незаконных, необоснованных решений органов и должностных лиц.

Так, по смыслу положения ч. 4 ст. 7 УПК РФ, решения по окончании стадии возбуждения уголовного дела должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Соответственно, ст. 125 УПК РФ обязывает суд проверять, в первую очередь, их законность и обоснованность [6]. Однако не ясно, что подразумевается под законностью и обоснованностью решений должностных лиц.

О законности и обоснованности, как понятиях, говорится в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2016 г. N 55 г. Москва «О судебном приговоре» [7].

В частности, отмечаются критерии законности, обоснованности и справедливости судебного приговора. Исходя из толкования законности и обоснованности, можно определить понятие законности и обоснованности решений уполномоченных лиц по окончании проверки сообщения о преступлении — это такие решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, которые соответствуют требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку принятия, а также основаны на правильном применении уголовного закона.

Соответственно нарушение этих требований и будет предметом судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела.

Однако, установленный действующим УПК РФ порядок рассмотрения жалоб, закрепленный в ст. 125 УПК РФ приводит нас к выводам о недостаточности у суда

процессуальных инструментов для нормального действия механизма обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан.

Каким же образом суд проверяет законность и обоснованность? Ответ на этот вопрос нам даёт Постановление Пленума Верховного суда о практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ. Исходя из пункта 1, суды проверяют законность решений на основе имеющихся данных и дополнительно представленных материалов, на что хотим обратить особое внимание [8]. При этом материалы должны быть исследованы, доводы проверены, а постановление по результатам рассмотрения должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Таким образом, мы приходим к выводу о возможности заявителя, помимо самой жалобы, так же приложить дополнительные материалы, на что прямо не указывается в УПК РФ, по смыслу которого все сведения уже должны содержаться в самой жалобе.

Отсутствие указания в УПК РФ такой возможности, может являться одной из причин недостаточности сведений для рассмотрения судом, что приводит к возвращению жалобы, т. к. Верховный суд разъяснил, что в ходе предварительной подготовки судам необходимо выяснять, содержит ли жалоба необходимые сведения для рассмотрения. Если сведения отсутствуют, то жалоба подлежит возвращению заявителю для устранения недостатков с указанием причин принятия решения и разъяснения права вновь обратиться в суд.

Поэтому, нами предлагается указать в УПК РФ так же, помимо представления жалобы, возможности предоставления и дополнительных материалов, обосновывающих предмет жалобы.

По смыслу ч. 2 ст. 125 УПК РФ должна выглядеть следующим образом: «Жалоба, а так же дополнительные, обосновывающие её материалы, могут быть поданы в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора».

Так же не ясно, какие именно сведения, должны излагаться в жалобе и обосновываться прилагаемыми материалами, что именно составляет предмет судебного контроля. Показательно кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан. Исходя из материалов определения, Гражданин Г. Ю. обратился в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ на решение следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. Как постановила коллегия, жалоба Г. Ю. не содержит необходимые сведения для её рассмотрения. Данное обстоятельство препятствовало рассмотрению судом жалобы по существу. Поэтому суд первой инстанции обоснованно возвратил жалобу Г. Ю. [9]. Не менее интересно и кассационное определение Курского областного суда, в котором отмечается, что постановлением суда г. Курска жалоба Л., не содержащая необходимых сведений, а содержащая некорректные выражения, не приемлемые в обращениях

в официальные государственные органы, возвращена заявителю [10].

По утверждению Президиума Нижегородского областного суда, судебная практика показывает, что судьи испытывают некоторые трудности в определении предмета и пределов судебного контроля в досудебном производстве. Среди проблемных вопросов — уточнение критериев, определяющих действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебном этапе, по которым они могут быть обжалованы в судебном порядке [11].

Исходя из ранее изложенного рассмотрения предмета судебного контроля и, решая вопрос, какие именно сведения должны излагаться в жалобе и обосновываться прилагаемыми материалами, что именно составляет предмет судебного контроля, мы приходим к выводу о необходимости указания таких сведений следующим образом:

В жалобе необходимо указать все сведения, обосновывающие незаконность и (или) необоснованность решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, а именно: сведения о содержании решения, сведения о процессуальной форме решения, сведения о порядке принятия решения.

Однако в то же время необходимо учитывать, что УПК РФ предусматривает и ограничения судебного контроля на данной стадии. Судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела об оценке доказательств и квалификации деяния. Так же, не подлежат обжалованию действий решения проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

Таким образом, недостаточно ясная регламентация подачи жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, может приводить к понижению эффективности судебного контроля на данной стадии, что очень ярко проявляется на практике. Так, например, за 1 полугодие 2017 года 56 526 жалоб было окончено производством в суде 1 инстанции, из них только 2822 удовлетворено, 11 734 было отказано в удовлетворении, а прекращено, отозвано, возвращено 41 970 жалоб. Доступные нам материалы статистики свидетельствуют, что подавляющее большинство жалоб оканчиваются прекращением, возвращением или отзывом. Все это, безусловно, является следствием работы не только правоприменительной, но и правотворческой.

Исходя из вышеизложенного, для разрешения ряда проблем судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела, полагаем необходимым:

1) Учитывая, что ст. 125 УПК РФ обязывает суд проверять, в первую очередь, законность и обоснованность решений органов и должностных лиц, истолковать понятие законности и обоснованности таких решений — это такие решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, принимаемые

по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, которые соответствуют требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку принятия, а также основаны на правильном применении уголовного закона.

2) Согласно разъяснениям Верховного суда, суды проверяют законность решений на основе имеющихся данных и дополнительно представленных материалов, однако закон не упоминает о возможности заявителя предоставлять дополнительные материалы в обоснование жалобы, поэтому, считаем необходимым в ч. 2 ст. 125 УПК РФ закрепить такую возможность, представив её в следующем виде: «Жалоба, а так же дополнительные,

обосновывающие её материалы, могут быть поданы в суд заявителем...».

3) Решая вопрос о том, какие именно сведения должны излагаться в жалобе и обосновываться прилагаемыми материалами, что составляет предмет судебного контроля, полагаем необходимым определить и закрепить их следующим образом: «В жалобе необходимо указать все сведения, обосновывающие незаконность и (или) необоснованность решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, а именно: сведения о содержании решения, сведения о процессуальной форме решения, сведения о порядке принятия решения».

Литература:

1. Пронин К. В. О регламентации судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ // Журнал российского права. — 2011. — № 6 (174). — С. 71–77.
2. Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.04.2018).
3. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения: 10.04.2018).
4. Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. — 2011. — № 6. — С. 56–58.
5. Полтора миллиона уголовных дел закрыли из-за полицейской волокиты // РосБизнесКонсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/11/2016/5825e5389a794749df138dce> (дата обращения: 10.04.2018).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.04.2018) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.04.2018).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29112016-n-55/> (дата обращения: 10.04.2018).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. N 1 г. Москва «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета — Федеральный выпуск № 4851 (0) от 18 февраля 2009 г. URL: <https://rg.ru/2009/02/18/zhaloby-dok.html> (дата обращения: 10.04.2018).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда республики Башкортостан, от 10 августа 2010 г., г. Уфа. // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan-s/act-103647005/> (дата обращения: 10.04.2018).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Курского областного суда, от 12 апреля 2012 г., г. Курск. // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-kurskij-oblastnoj-sud-kurskaya-oblast-s/act-104777546/> (дата обращения: 10.04.2018).
11. Обзор судебной практики Нижегородской области по применению статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации за первое полугодие 2015 года // Нижегородский областной суд. URL: <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1368-obzor-sudebnoj-praktiki-nizhegorodskoj-oblasti-po-primeneniyu-stati-125-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-rossijskoj-federatsii-za-pervoe-polugodie-2015-goda> (дата обращения: 10.04.2018).

Поддержание государственного обвинения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Дякина Елизавета Вячеславовна, магистрант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Поддержание государственного обвинения в отношении несовершеннолетних граждан представляет собой особый вид обвинительной деятельности прокурора, поскольку требует специальных знаний в области детской психологии, а также особых навыков при производстве судебно-следственных действий. В настоящее время в практической деятельности остается неразрешенным вопрос: должен ли поддерживать государственное обвинение в отношении несовершеннолетнего обвиняемого прокурор, осуществляющий надзор за соблюдением и исполнением законодательства о несовершеннолетних?

Ключевые слова: государственное обвинение, надзор за соблюдением законодательства о несовершеннолетних, несовершеннолетний обвиняемый.

Поддержание государственного обвинения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних представляет собой особый вид обвинительной деятельности прокурора, поскольку обвиняемым выступает гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста.

Судебное разбирательство в отношении данной категории лиц осуществляется в общем порядке, за исключением особенностей, связанных с процессуальным статусом несовершеннолетнего обвиняемого, обусловленного возрастной, психофизической и интеллектуальной спецификой развития. Стоит отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» также ориентирует государственных обвинителей на то, что правосудие в отношении несовершеннолетних граждан должно быть направлено на применение мер воздействия индивидуального характера при исследовании обстоятельств совершенного деяния, а также соизмеряться с особенностями личности и обстоятельствами совершенного преступления. Таким образом, поддерживая государственное обвинение, прокурор должен обладать знаниями в области детской психологии, которые помогали бы не только исследовать причины совершения преступления, но эффективно воздействовать на несовершеннолетнего обвиняемого.

В связи с этим в практической деятельности правомерно возникает вопрос: кто должен поддерживать государственное обвинение по уголовным делам в отношении несовершеннолетних?

Исходя из анализа правоприменительной практики, государственное обвинение в отношении несовершеннолетних поддерживают те же сотрудники, которые участвуют в судебных заседаниях в общем и при особом порядке уголовного судопроизводства.

Полагаю, что подобный подход не является верным и эффективным. Учитывая особенности детской психологии, условия жизни и развития несовершеннолетних, государственное обвинение необходимо поддерживать прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением и исполнением законодательства о несовершеннолетних, так как именно эти сотрудники исходя из специфики своей

деятельности могут без труда объяснить поведение несовершеннолетнего обвиняемого, истинные причины и мотивы совершенного преступления.

Необходимость поддержания государственного обвинения такими сотрудниками прокуратуры обуславливает само судебное разбирательство по уголовному делу, а именно этап судебного следствия. Важной составляющей данного этапа является исследование показаний подсудимого, при котором государственный обвинитель должен учитывать состояние несовершеннолетнего, так как от этого зависит дальнейшее построение всей тактики допроса. Одним из ее важных элементов является установление психологического контакта государственного обвинителя с несовершеннолетним обвиняемым, так как это позволяет достичь более эффективного результата и выяснить истинную картину совершенного деяния. Данное обстоятельство еще раз подтверждает тот факт, что государственное обвинение в отношении несовершеннолетних должен поддерживать прокурор, занимающийся надзором за соблюдением и исполнением законодательства о несовершеннолетних, поскольку в данном случае государственный обвинитель будет заранее осведомлен о многих фактах жизни и воспитания обвиняемого, а также его личности, что позволит акцентировать внимание при допросе не только на отрицательных моментах, но и обратиться к положительным моментам и чертам характера подсудимого.

Стоит отметить, что вышеуказанная проблема в скором времени может найти свое разрешение в реформировании структуры прокуратуры Российской Федерации.

15 февраля 2018 года на заседании расширенной коллегии по итогам работы прокуроров в 2017 году, Ю. Я. Чайка в своем докладе отметил, что наряду с успехами прокурорского надзора, достигнутыми в области охраны прав и свобод несовершеннолетних граждан, остаются и существенные проблемы. В своем выступлении Генеральный прокурор объявил, что им был подписан приказ о создании в структуре Генеральной прокуратуры (а также прокуратурах субъектов) Управления по надзору за соблюдением законов о несовершеннолетних. Создание подобной структурной единицы позволит разрешить существующую проблему, путем возложения полномочия по поддержанию государственного

обвинения на прокуроров, осуществляющих надзор за соблюдением законодательства о несовершеннолетних

граждан, либо выделения специализированных государственных обвинителей.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 19.02.2018) // СПС КонсультантПлюс, с экрана компьютера.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс, с экрана компьютера.
3. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании коллегии по итогам работы прокуроров в 2017 году // <http://www.genproc.gov.ru/upload/150218.pdf>
4. Воеводина Т.Г. Применение прокурором психологических знаний при поддержании в суде государственного обвинения по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Законы России: опыт, анализ практика. 2016. № 8.
5. Особенности поддержания обвинения по делам несовершеннолетних. (Интернет-журнал ассоциации юристов Приморья «Закон») // https://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=50&pub_name

Вопросы практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Перменев Роман Олегович, магистрант

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

Автор располагает 100 постановлениями судов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Мы проанализируем эти постановления и порассуждаем на тему взаимосвязи законодательства об УДО с реальным применением данного института на практике, на тему того как на практике применяются нормы законодательства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Первое, что нас интересует, это такое основание условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как сроки условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Напомним, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

- а) не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;
- б) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;
- в) не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух

третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если УДО было отменено по основаниям, предусмотренным частью седьмой статьи 79 Уголовного кодекса РФ;

- г) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 210 и 361 Уголовного Кодекса;
- д) не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста [1].

Касательно отбытых сроков наказания осужденными в проанализированных нами постановлениях была составлена следующая таблица:

Таблица 1

№	Отбытый срок наказания	Процент удовлетворённых ходатайств от общего числа удовлетворённых ходатайств
1	1/3	31,25%
2	1/2	48,4375%
3	2/3	20,3125%
4	3/4	0%
5	4/5	0%
Итого		100%

Итак, как мы видим, наибольший процент условных освобождений в нашем случае за тяжкие преступления. Эту статистику можно назвать пугающей, однако выясним, какие виды преступлений в зависимости от объекта посягательства были совершены:

Таблица 2

Виды преступлений в зависимости от объекта посягательства	Процент удовлетворённых ходатайств от общего числа удовлетворённых ходатайств
Преступления против личности	16%
Преступления против собственности	53%
Преступления в сфере экономической деятельности	0%
Преступления против службы в коммерческих и иных организациях	0%
Преступления против общественной безопасности	1%
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	27%
Экологические преступления	0%
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	1%
Преступление против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	1%
Преступления против порядка управления	1%
Итого	100%

Итак, большинство условно-досрочно освобождённых осужденных в нашем случае совершили преступления против собственности.

Также было проанализировано, какие наказания отбывают осужденные в нашем случае, результат приведён в таблице 3.

Таблица 3

Вид наказания, которое осужденный отбывает	%
Лишение свободы на определённый срок	100%
Содержание в дисциплинарной воинской части	0%
Принудительные работы	0%

А в таблице 4 результат анализа процентного соотношения отказов и удовлетворений ходатайств осужденных

об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Таблица 4

Удовлетворено ходатайств	Отказано в удовлетворении
67%	33%

Раз уж речь зашла об отказах в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, стоит

проанализировать основания для отказа в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Таблица 5

Основания для отказа в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания		
1	Программу психологической коррекции выполнил частично	4
2	Значительный срок не отбытого наказания	13
3	Отношение к иску:	
	Меры, предпринимаемые для погашения иска, являются не достаточными	2
	Не выплачивает иск	1
4.	Поведение:	
	Нестабильное поведение	5
	Положительно себя не зарекомендовал	1
	Требования установленного порядка отбывания наказания соблюдает не в полном объёме	3
	С представителями администрации вежлив не всегда	1

Основания для отказа в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания		
	На протяжении длительного времени имел не снятое и не погашенное взыскание. Не стремился к досрочному его снятию	1
	Погашенные (снятые) взыскания	16
	Действующее взыскание (одно)	4
	Действующие взыскания	4
	«Последнее поощрение имел в 2001 году»	1
	Поощрений не имеет	3
	Администрацией учреждения характеризуется отрицательно	5
	Участия в самодеятельных организациях не принимал	1
	Нарушения режима содержания	2
	Принадлежит к группе осужденных нейтральной направленности, общественные поручения не выполняет	1
	Правила техники безопасности, пожарной безопасности выполняет не в полном объеме	1
	К своим обязанностям относился не всегда добросовестно	1
	К участию в общественной жизни отряда на протяжении всего периода отбывания наказания относился посредственно	1
	Спортивные и культурно-массовые мероприятия посещает не охотно	1
	Пассивно принимает участие в спортивных и культурных мероприятиях	2
	В спортивных и культурно-массовых мероприятиях участия не принимает	2
	Не принимает участие в тестированиях и лекциях просветительного характера	2
	Мероприятия воспитательного характера посещает под принуждением	1
	«Пассивно участвует в воспитательных мероприятиях»	1
	Мероприятия воспитательного характера посещает, но правильных выводов не делает	1
	Не работает	7
	«К труду и выполнению работ по благоустройству исправительного учреждения относится недобросовестно»	2
	К оборудованию, инструментам относится небрежно	1
	«В ремонте отряда не участвует»	1
	«К труду на протяжении всего периода отбывания наказания относился посредственно»	1
	«Отрицателен к труду»	1
	Желания работать не проявил	1
	В результатах работы не заинтересован	1
5.	Цели наказания не достигнуты	17
6.	Характер и степень общественной опасности совершённых преступлений	13
7.	Отношение осужденного к совершённым им преступлениям	2
8.	Вину в совершенном преступлении признал частично, с приговором суда не согласен	1
9.	Осужден за совершение преступления в период отбывания условно-досрочного освобождения	4
10.	Рецидив	3
11.	Ранее судим	8
12.	Не погашенная судимость	1
13.	Не признание вины	2
14.	В содеянном не раскаялся	1
15.	Вопросы бытового и трудового устройства не решены	3
16.	Осужденный склонен к совершению противоправных действий	2
17.	Администрация Исправительной Колонии считает нецелесообразным предоставление условно-досрочного освобождения	2
18.	Администрацией учреждения не предоставлено убедительных доказательств того, что к осужденному возможно применение условно-досрочного отбытия от отбывания наказания	1
20.	В школе и профессиональном училище не обучался	1

П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее ПП ВС РФ) от 21 апреля 2009 г. N 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» гласит:

Суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания по основаниям, не указанным в законе, таким, как наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений и т. д.

В тоже время, только в нашем случае такое неправомерное основание для отказа в удовлетворении ходатайства как наличие прежней судимости встречалось 8 раз, не признание вины — 2 раза.

Далее в п. 6 уже упомянутого ПП ВС РФ указывается: «Характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному.

Как видим, вышеуказанное ПП ВС РФ запрещает отказывать в удовлетворении ходатайства по таким основаниям, как: характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть. Однако в процессе изучения практики

по условно-досрочному освобождению от отбывания наказания мы сталкивались с таким основанием для отказа в удовлетворении ходатайства 13 раз.

Также следует обратить внимание на то, что ПП ВС РФ запрещает судам отказывать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания по основаниям, не указанным в законе, однако в законе нет перечня оснований для отказа в условно-досрочном освобождении от наказания. Отсутствие этого перечня автор считает ключевой проблемой, порождающей неизбежные ошибки в практике применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Ведь если посмотреть на таблицу 5, составленную нами, то в ней можно найти довольно много спорных, а то и вовсе абсурдных оснований для отказа в удовлетворении ходатайств в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, которые имели место на практике. Таким образом, можно сделать вывод, что практика применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания не идеальна, однако менять её надо начинать с законодательства и как раз одним из таких изменений может быть введение закрытого перечня оснований для отказа в условно-досрочном освобождении. Введение такого перечня может внести ясность в работе судей, ведь нужны какие-то обязательные ориентиры, которых судья может придерживаться, рассматривая ходатайства осужденных, а имеющихся ориентиров явно недостаточно.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // Российская газета, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
2. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 13.01.1997, N 2, ст. 198.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. N 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/1790871/#irriends#ixzz56fyrvQ3I>.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

English law and legal study

Чиркова Анастасия Юрьевна, учащаяся 11 класса;

Научный руководитель: Деркач Татьяна Павловна, учитель английского языка
ГБОУ г. Севастополя «СОШ № 19 с углубленным изучением английского языка»

Some features of law and English legal system might be too complicated for common people to understand. So right now I will try to explain you some features and some specials of English legal system.

I. Categories Of Law

Jurisdiction is the power of the State to regulate affairs pursuant to its laws. Exercising jurisdiction involves asserting a form of sovereignty. This fact causes difficulties when jurisdiction is exercised extraterritorially.

There are various ways of categorising law, which initially tend to confuse the non-lawyer and the new student of law. It is impossible to avoid the confusing repetition of the same terms to mean different things and, indeed, the purpose of this section is to make sure that students are aware of the fact that the same words can have different meanings, depending upon the context in which they are used (Pic. 1).

1. Common law

All those legal systems have adopted the historic English legal system. The common law system tends to be case-centered and hence judge-centered, allowing scope for a discretionary pragmatic approach to the particular problems that appear before the courts. The common law has been romantically and inaccurately described as the law of the common people of England. In fact, the common law emerged as the product of a particular struggle for political power.

2. Civil law

Those other jurisdictions have adopted the European continental system of law derived essentially from ancient Roman law, but owing much to the Germanic tradition. The civil law system tends to be a codified body of general abstract principles which control the exercise of judicial discretion. In reality, both of these views are extremes, with the former over emphasizing the extent to which the common law judge can impose his discretion and the latter underestimating the extent to which continental judges have the power to exercise judicial discretion.

3. Private law

Deals with relations between individuals with which the State is not directly concerned or is involved in. Public law, on the other hand, relates to the interrelationship of the State and the general population, in which the State itself is a participant.

II. Human rights

In an article published in the London Review of Books and The Guardian newspaper in May 1995, three years before the enactment of the Human Rights Act, the High Court judge, as he then was, Sir Stephen Sedley, made explicit the links and tensions between the doctrine of the rule of law and the relationship of the courts and the executive, and the implications for the use of judicial review as a means of controlling the exercise of executive power.

As is evident in the quotation from Sir Stephen Sedley above, some judges, at least, saw their role in maintaining the rule of law as providing protection for fundamental human rights. In attempting to achieve this end, they faced a particular problem in relation to the way in which the unwritten English constitution was understood, and was understood to operate. The freedom of individual action in English law was not based on ideas of positive human rights which could not be taken away, but on negative liberties: that is, individual subjects were entitled to do whatever was not forbidden by the law.

The Labour opposition, however, was committed to the incorporation of the ECHR into UK law and, when it gained office in 1997, it immediately set about the process of incorporation. This process resulted in the Human Rights Act (HRA) 1998 [1].

The Human Rights Act (HRA) has profound implications for the operation of the English legal system. However, to understand the structure of the HRA, it is essential to be aware of the nature of the changes introduced by the Act, especially in the apparent passing of fundamental powers to the judiciary.

The 1998 Act reflects a move towards the entrenchment of rights recognised under the Convention, but, given the sensitivity of the relationship between the elected Parliament and the unelected judiciary, it has been thought expedient to minimise the change in the constitutional relationship of Parliament and the judiciary.

Anti-social behavior orders (ASBOs) were introduced under the Crime and Disorder Act [2] 1998 and were extended in the Police Reform Act (PRA) [3] 2002 and the Anti-social Behavior Act [4] 2003.

Rights Provided Under the European Convention on Human Rights

The Articles incorporated into UK law, and listed in Sched. 1 to the Act, cover the following matters:

- the right to life. Article 2 states that “Everyone’s right to life shall be protected by law”;
- prohibition of torture. Article 3 actually provides that “No one shall be subjected to torture or to inhuman or degrading treatment or punishment”;
- prohibition of slavery and forced labour (Art 4);
- the right to liberty and security. After stating the general right, Art 5 is mainly concerned with the conditions under which individuals can lawfully be deprived of their liberty;
- the right to a fair trial. Article 6 provides that “everyone is entitled to a fair and public hearing within a reasonable time by an independent and impartial tribunal established by law”;
- the general prohibition of the enactment of retrospective criminal offences. Article 7 does, however, recognise the post hoc criminalisation of previous behavior where it is “criminal according to the general principles of law recognised by civilised nations”;
- the right to respect for private and family life. Article 8 extends this right to cover a person’s home and their correspondence;
- freedom of thought, conscience and religion (Art 9);
- freedom of expression. Article 10 extends the right to include “freedom... to receive and impart information and ideas without interference by public authority and regardless of frontiers”;
- freedom of assembly and association. Article 11 specifically includes the right to form and join trade unions;
- the right to marry (Art 12);

- prohibition of discrimination in relation to the enjoyment of the rights and freedoms set forth in the convention (Art 14);
- the right to peaceful enjoyment of possessions and protection of property (Art 1 of Protocol 1);
- the right to education (subject to a UK reservation (Art 2 of Protocol 1));
- the right to free elections (Art 3 of Protocol 1);
- the right not to be subjected to the death penalty (Arts 1 and 2 of Protocol 6).

III. The English Legal system

It should not be forgotten that although prosecution of criminal offences is usually the prerogative of the State, it remains open to the private individual to initiate a private prosecution in relation to a criminal offence. It has to be remembered, however, that even in the private prosecution, the test of the burden of proof remains the criminal one requiring the facts to be proved beyond reasonable doubt.

As the rule of law already is an existing constitutional principle of the UK and one that may be more contentious in the future, it becomes imperative to attempt to define what it actually means. It was the exact task that Lord Bingham set by his own in the lecture under consideration and he suggested that at its core was the idea that “all people and authorities within the State, whether public or private, should be bound by and entitled to the benefit of laws publicly and prospectively promulgated and publicly administered in the courts”. [5]

Bingham has expressed his basic understanding of John Locke’s dictum that “Wherever law ends, tyranny begins”. He also was the man, who made the prediction: The law must be accessible and so far as possible intelligible, clear and predictable. Without challenging the value or legitimacy of judicial development of the law, have been taken to extremes, such judicial creativity can destroy itself the rule of law.

References:

1. “Human Rights Act”, 1988 (72 pages). Pages 4–7, 17–19
2. “Anti-Terrorism, Crime and Security Act”, 2001 (172 pages). Pages: 3–8
3. “Crime and Disorder Act”, 1998 (228 pages). Pages: 3, 35,
4. “Police Reform Act (PRA)”, 2002 (254 pages). Pages: 72, 86–89
5. “Professional English in use. Law”, 2007 (126 pages); Cambridge University Press;

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Международный научный журнал

№ 3 (05) / 2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Ахметов И.Г.

Члены редакционной коллегии:

Дядюн К.В.
Искаков Р.М.
Кенесов А.А.
Курпаяниди К.И.
Кучерявенко С.А.
Яхина А.С.

Руководитель редакционного отдела:

Кайнова Г.А.

Ответственный редактор:

Осянина Е.И.

Художник: Шишков Е.А.

Верстка: Майер О.В.

Международный редакционный совет:

Айрян З.Г. (Армения)
Арошидзе П.Л. (Грузия)
Атаев З.В. (Россия)
Бидова Б.Б. (Россия)
Борисов В.В. (Украина)
Велковска Г.Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А.М. (Россия)
Демидов А.А. (Россия)
Досманбетова З.Р. (Казахстан)
Ешиев А.М. (Кыргызстан)
Жолдошев С.Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н.С. (Казахстан)
Искаков Р.М., (Казахстан)
Кадыров К.Б. (Узбекистан)
Кайгородов И.Б. (Бразилия)
Каленский А.В. (Россия)
Козырева О.А. (Россия)
Колпак Е.П. (Россия)
Кошербаева А.Н. (Казахстан)
Курпаяниди К.И. (Узбекистан)
Куташов В.А. (Россия)
Кыят Э.Л. (Турция)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л.В. (Украина)
Нагервадзе М.А. (Грузия)
Прокопьев Н.Я. (Россия)
Прокофьева М.А. (Казахстан)
Рахматуллин Р.Ю. (Россия)
Ребезов М.Б. (Россия)
Сорока Ю.Г. (Украина)
Узаков Г.Н. (Узбекистан)
Федорова М.С. (Россия)
Хоналиев Н.Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А.К. (Казахстан)
Шуклина З.Н. (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2587-8573

Подписано в печать 05.06.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25